

Диана Тедорадзе

ЦЕНА ПРАВОСУДИЯ

Диана Тедорадзе

Цена праведности

«Автор»

2026

Тедорадзе Д.

Цена праведности / Д. Тедорадзе — «Автор», 2026

В мире, где высшие сущности не даруют милость, а карают за неё на месте, идеальный порядок давно стал клеткой тирана. Нынешний правитель мстит за детское отвержение: он подчинил себе карательных небожителей, превратив их в цепных псов собственного безумия.

© Тедорадзе Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1 Эхо прошлого	6
Глава 2 КТО?	12
Глава 3 Раненый в лесу	17
Глава 4 Избранный	19
Глава 5 Путь Чудес: Там, где сходится любовь	22
Глава 6 Дом, милый дом	33
Глава 7 Во тьме очень много загадок	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Диана Тедорадзе

Цена праведности

Глава

ЦЕНА ПРАВЕДНОСТИ

Содержание

ЦЕНА ПРАВЕДНОСТИ

Глава 1 Эхо прошлого

Глава 2 КТО?

Глава 3 Раненый в лесу

Глава 4 Избранный

Глава 5 Путь Чудес: Там, где сходится любовь

Глава 6 Дом, милый дом

Глава 7 Во тьме очень много загадок

Глава 8 Страшное прошлое

Глава 9 В поисках

Глава 10 Нежданное убежище

Глава 11 По следам исчезнувшего

Глава 12 Тропа одинокого воина

Глава 13 Сердца из Разных Миров

Глава 14 Знаки неизвестного

Глава 15 Путь в город

Глава 16 Врата великого города

Глава 17 Тайное место

Глава 18 Вхождение в Элвингард

Глава 19 Раскрывая секреты

Глава 20. Отголоски прошлого

Глава 21 Подслушано

Глава 22 Тени башни и пламя тайны

Глава 23 Соглашение на сделку

Глава 24 Когда судьба говорит

Глава 25 Заговор в полутьме

Глава 26 Разлом над тишиной

Глава 27 Порог Хрустальной Цитадели

Глава 28 Совет перед бурей

Глава 29 Камень над головой, тьма над небом

Глава 1 Эхо прошлого

Адейн проснулся в мягких объятиях утреннего света, который уже начал золотить края его ложа. После ночи, наполненной чувственными переживаниями с дамой, он ощутил странное облегчение — словно невидимая тяжесть исчезла вместе с ней. В первые мгновения пробуждения его разум купался в теплой тишине, и едва слышный шепот: «Как хорошо, что она ушла сама», — голос отозвался в душе, освобождая от навязчивого беспокойства.

Однако едва сон окончательно отступил, в его сердце ворвалась тревога. Медленным, почти интуитивным движением он провел взглядом по комнате. Та, что когда-то была наполнена вещами, теперь стояла почти опустошенной. Реликвии и сувениры — те таинственные обереги прошлого — исчезли, словно растворившись в воздухе. Даже драгоценный мешочек с золотом пропал. С одной стороны, Адейн все еще наслаждался сладким послевкусием ночи, с другой — каждая потерянная вещь отзывалась в нем эхом утраты. В этом тихом рассветном несоответствии между прошлым и настоящим его мысли кружились, словно опавшие лепестки, и он почувствовал, как хрупко равновесие между наслаждением и тенью грядущих событий.

Адейн медленно оглядел комнату, но взгляд его невольно задержался на постели. Именно там, на мягких складках покрывала, лежал длинный волос, темный. Сердце его забилося чаще: этот волос принадлежал даме, с которой он провел роковую ночь. Взяв его пальцами, Адейн нежно поднял волосок, словно пытаясь удержать последний отголосок случившегося. Сев на край кровати, он закрыл глаза, позволив мыслям унести себя в лабиринт воспоминаний.

Перед его внутренним взором развернулась сцена, полная чувственности и бури эмоций: после насыщенной ночи, когда страсть сливалась с близостью, Адейн предложил даме бокал вина — жест, казавшийся столь простым и искренним. Но в тот миг, когда он отвлекся, женщина ловко подсыпала в его бокал нечто. Воспоминание сменилось странным ощущением. Перед ним предстало страшное откровение. На лице дамы, столь предательски прекрасной накануне, проступило ее истинное обличье — уже не нежной женщины, а фурии, богини мщения. Ее преобразование было подобно ожившему кошмару: глаза пылали ледяным огнем, губы изогнулись в зловещей усмешке, а за спиной расправились тонкие, почти прозрачные крылья. В ее облике причудливо сочетались изящество и жестокость, а все ее существо излучало мрачное сияние — ауру боли и ярости.

Выйдя из медитации, Адейн ощутил, как его душу охлестнул вихрь противоречий. Первой накатила ярость — слепой, пылающий гнев, рожденный предательством. Он проникал в каждую клетку, заставляя сердце выбивать яростную дробь, а разум — выискивать способы возмездия.

Вся жизнь Адейна до этого мига была мирной и размеренной, подобно тихой реке, текущей вдали от мирской суеты. Его единственным домом был скромный приют из одной комнаты на самой окраине, и в этом уединении он обретал покой.

Но когда одиночество становилось невыносимым, Адейн отправлялся в Равенхольм — город, где шум кабаков и мерцание свечей напоминали о страстях и мимолетных наслаждениях. Там, среди многолюдных улиц, он иногда искал забвение, чтобы под вечер привести к себе даму на одну ночь. Это было мгновенное утешение, которое, несмотря на мимолетность, давало ощущение живой теплоты.

Адейна от прочих отличал особый дар — способность видеть прошлое. Погружаясь в медитацию, он мог часами наблюдать безмолвные картины ушедших эпох, постигая тайны мира. В этих видениях он находил не только древние знания, но и ключи к забытым сокровищам, что обеспечивало ему безбедное существование. Адейн обладал колоссальным умом. Однако дар имел и свою цену: Адейн не мог видеть будущее, а чем древнее и глубже была сцена, тем больше сил она отнимала и тем труднее было возвращаться из медитации невреди-

мым. Тяжесть этого наследия он ощущал задолго до того, как осознал его природу. Ибо он был сыном Хронелиона — повелителя потоков времени, жреца, чьи силы возвращали утраченные воспоминания.

Отец учил его видеть прошлое не как застывшую картину, а как живой, изменчивый поток, в котором можно отыскать потерянные нити истории. С тех пор как отец ушел, с каждой новой медитацией Адейн постигал все больше. Там, где другие видели лишь камни и стены, ему являлись картины былых событий: он понимал, кто жил здесь до него, какие слова шептались в углах и какие слезы лились в тишине.

Одна из самых волнующих историй, открывшихся ему, была история его меча. Он обрел клинок в руинах некогда процветающей деревни недалеко от озера, среди обгоревших строений и заросших троп, где давно уже не звучали людские голоса. Меч не просто материализовался в его руках — он прошел сквозь сознание, словно отражение в воде, и начал рассказывать свою сагу. Это было не просто оружие, а отражение его духа, олицетворение борьбы. Твердый и острый, он был самой сущностью силы, что с каждым ударом становилась лишь острее. Этот клинок мог рассекал плоть, словно нож, входящий в сливочное масло. Меч был выкован недалеко в деревне Серебристый Пруд, уютно притаившейся среди зелени и отдаленных гор. Это был идиллический уголок, где люди вели простую жизнь, полную любви и надежд. Но однажды, после тысячи лет покоя, на обитателей деревни обрушилась беда. Из темных глубин близлежащего водоема появились создания, которые поначалу казались невинными маленькими феями. Крошечные существа с переливающимися радужными крыльями напоминали милых существ из детских сказок. Вскоре жители начали замечать пропажу животных, а те, кто осмеливался приблизиться к воде, возвращались с пустыми, испуганными глазами. Ночь приносила с собой ужас, необъяснимый и всепоглощающий. Под покровом темноты эти твари, жаждущие живой плоти, пробирались в дома. Ночь превращалась в охоту, когда пространство наполняли мягкие шепоты звонких голосов, а их крошечные конечности медленно, по крупице, обглаживали кожу и плоть спящих. Это была невыносимая боль, а страх оседал в сердцах людей, словно густой туман на рассвете. Милые с виду, с яркими крыльями, они скрывали безжалостную сущность: были ловкими, свирепыми и жаждали плоти, как хищники, решившие уничтожить свою жертву. Ночи в деревне превратились в бесконечный кошмар. С наступлением темноты люди запирали двери, пытаясь укрыться от ужаса, что подкрадывался к ним из ночи. Но среди жителей был один, кто не смирился, — добрый и храбрый кузнец по имени Торин, олицетворение стойкости и мужества.

Пока другие искали укрытие, Торин осмелился пойти к водоему, решив покончить с ужасом раз и навсегда. Его рука крепко сжимала молот, а в глазах горел огонь, возрождавший искру надежды. С каждым шагом, приближавшим его к водоему, в нем нарастало глухое возбуждение. В ярости он обрушился на существ. Их крики, смешанные с шипением воды, сливались в ужасающую симфонию, но храбрость Торина не знала предела. Когда последний из существ был повержен и тишина вновь окутала берег, Торин окинул взглядом поле боя. Его внимание привлекли крылья побежденных созданий. Он поразился: это был не обычный материал, а металл, необычный в своем роде, никому ранее неизвестный. Он никогда не видел ничего подобного, и сердце его забилося чаще. В его голове уже рождался план. Собрав драгоценные обломки, он вернулся в кузницу. Погрузившись в пустоту, наполненную лишь мыслями и мечтами под аккомпанемент ударов, он выковывал не просто меч. В итоге из его рук явилось творение. Он назвал его «Сияние Солнца». Клинок оставался вечно острым: его лезвие будто точилось само собой и никогда не знало притупления. Казалось, сколько бы им ни сражались, сталь не теряла ни остроты, ни силы, раз за разом легко рассекала любую преграду. Этот меч для Торина стал символом борьбы и защиты.

Эта история, пропитанная мужеством и надеждой, каждый раз воодушевляла Адейна. Меч в его руках был не куском металла. Прикосновение к холодной рукояти вызывало желание бороться.

И вот сейчас, в своем одиноком убежище, среди привычного спокойствия, Адейна охватила ярость, способная разрушить любые преграды. Волны гнева пробивали его тихую оболочку, заставляя душу сжиматься в тугой ком. Такие чувства были для Адейна в новинку. Обычно его сердце было сковано вечным льдом, а лицо оставалось непроницаемой маской. Но ранее он никогда не был связан с воровством его вещей. Ему было странно ощущать этот жар внутри — чужеродный, пугающий. Эмоции накатывали тяжелыми волнами, от которых перехватывало дыхание и дрожали руки. Он больше не мог держать их под замком. В этой буре был лишь один островок ясности — месть. Она казалась единственным якорем, способным усмирить шторм. Желание отплатить обидчику стало таким сильным, что затмило остатки прежнего хладнокровия. Мысли о мести смешивались с воспоминанием о той прекрасной ночи.

Адейн решил найти зацепку, способную пролить свет на коварную игру ночной дамы, и зашагал по узким улочкам Равенхольма — ближайшего города, ибо в других местах искать смысла не было. Его путь привел его к старой таверне с пыльной вывеской «Жадное Горло» — месту, где собирались те, кто обычно испытывал одиночество в своей жизни. Именно здесь, в полумраке он впервые и столкнулся с коварной незнакомкой. Зайдя внутрь, Адейн молча сел у стойки и затем обратился к бармену. Перед ним предстал тучный мужчина по имени Броди. В воздухе витал резкий запах табака и старого пива, а голос бармена — грубоватый и равнодушный — глухо отзывался в приглушенной атмосфере заведения.

— Ничего не знаю об этом, приятель. Не помню, с кем ты вчера ушел, — добавил Броди, пожимая плечами. — Если тебя обчистили, то это на совести бродяг из трущоб.

Адейн ничего не ответил

— Эй, мрачная туча! — он перегнулся через стойку, пытаясь заглянуть Адейну в глаза. — Хватит сверлить взглядом свои сапоги. Давай-ка плесну тебе доброго темного эля? Сразу отпустит, увидишь мир другими красками! Ну же, хоть улыбнись уголком губ, жизнь-то продолжается!

Адейн медленно повернул голову. Его лицо оставалось бесстрастной бледной маской. Он даже не протянул руку к кружке.

— Мне это не поможет. Не сейчас.

Бармен ничуть не смутился. Он со стуком поставил кружку на дерево и оперся на локти, приняв вид всезнающего мудреца.

— Брось, парень, я за этой стойкой двадцать лет стою. Я такие лица вижу насквозь. Обчистили тебя знатно, да? Вытащили кошель или что похуже... Только зря ты себя изводишь. Ты все равно не вернешь пропажу. Это нереально, понимаешь? Смирись, и живи дальше.

Внутри Адейна шевельнулась та самая пугающая, черная ярость, но снаружи он остался неподвижен, словно высеченным из льда.

— Верну.

Бармен громко фыркнул, брызги слюны попали на столешницу. Он всплеснул руками, искренне забавляясь чужой наивности.

— Ох, святые небеса! Послушал бы ты сам себя со стороны. С такой бедой ко мне по трое таких, как ты, приходят — зареванных, злых, обещающих вырезать весь воровской квартал. И где они? Спят пьяными под столами. Ты что решил, будто особенный какой?

Губы Адейна едва заметно дрогнули, но это была не улыбка. В его голосе прозвучал глухой, замораживающий металл:

— Особенный.

Броди осекся, наткнувшись на этот ледяной взгляд, но тут же добродушно махнул рукой, решив свести все к шутке.

— Ну вот, опять маска каменная! Да не грузи ты себя, мертвец ходячий! Улыбнись хоть напоследок старику, раз уж зашел!

Адейн поднялся со стула. Движение было плавным, лишенным всякой суеты, но бармен невольно отступил на полшага назад.

— Не хочу. До встречи.

Он развернулся и шагнул обратно в темноту улицы, оставив бармена стоять с открытым ртом над нетронутой кружкой эля.

Разговор с барменом ненадолго выбили Адейна из плена пылкой мести. Он припомнил рассказы о фуриях — отверженных существах, чей истинный облик скрыт пеленой тайны, чтобы укрыться от мира, враждебного их природе. Внутри него что-то настойчиво звало в другое место — туда, к лесным обитателям, о которых шептали воспоминания. В конце концов, он направился в густую чащу, где, согласно памяти Адейна, обитали фурии.

Лес принял его в свои объятия. Он шагал сквозь подлесок, стараясь не издавать ни звука. Пробравшись в самую глушь, Адейн опустился на колени среди сухих листьев и попытался сосредоточиться, чтобы уловить след фурии и ее путь. Его разум коснулся призрачных образов: видения вырисовали едва заметные следы, подтвердившие, что он движется в верном направлении. Логово ее подруг, должно быть, было совсем рядом.

Выйдя из медитативного забытья, он бесшумно замер между деревьями. Вдруг впереди мелькнул силуэт — неясный, скользкий меж стволов. Когда фигура обернулась, он увидел лицо, которое менялось на глазах. Зрачки, обрамленные расширенными веками, мерцали, и Адейну почудилось, что они смотрят прямо в душу. Она стояла в тени, ее движения были грациозны, как у змеи. Взгляд — кокетливым, а улыбка — изящной и манипулятивной. В прошлые встречи ее нарочитая глупость вызывала у него лишь презрение, но теперь она казалась иной — более рассудительной и собранной.

— Я ждала тебя, — промурлыкала она. — Знала, что ты придешь

— Зачем? — прорычал Адейн сквозь стиснутые зубы, подступая ближе. Его глаза пылали жаждой расплаты

— Мне нужно было заманить тебя сюда, — ответила девушка

— Зачем? — повторил он, и в его голосе зазвучало напряжение.

Дама вздохнула, и в ее голосе проскользнула нотка печали.

— Адейн, я все верну. Иди за мной. Я отдам тебе все до последней монеты.

Несмотря на гнев, Адейн почувствовал, как в нем шевельнулось сомнение.

Он последовал за ней вглубь темноты. Его сердце все еще пылало яростью, но туда уже закрадывалось подозрение: а вдруг она не так коварна, как ему казалось?

— К чему все эти хитрости? — резко бросил он, и его глаза сверкнули гневом.

Девушка отпрянула, ее хрупкое тело задрожало. Бледная кожа побелела еще сильнее, а угольно-черные волосы растрепались на ветру.

— Я... я не хотела причинять тебе зла, — запинаясь, пробормотала она, опустив взгляд.
— Я просто... хотела помочь.

— Помочь? — фыркнул Адейн. — Хватит играть в эти детские игры!

Она вскинула голову, и ее темные глаза встретились с его взглядом.

— Я... боялась, — прошептала она.

— Чего? — прищурился Адейн.

— Ее, — еле слышно выдохнула девушка.

— Это не ответ, — холодно отрезал он.

Фурия вздохнула и опустила взгляд.

— Мне сказали, что ты опасен. Ты нужен кое-кому.

— Что происходит? — потребовал Адейн, но в тот миг за его спиной раздался шорох, разрывающий тишину. Он обернулся, и сердце его замерло.

Перед ним, словно воплощение самой ночи, стояла она — красавица. Густые волосы, черные, как уголь, мерцали в полумраке. Ее фигура была изящной и хрупкой, как драгоценная ваза. Тяжелый, пронизывающий взгляд черных глаз заставил Адейна замереть. На ее губах играла загадочная улыбка, а голос, нежный и сладкий, как шелест травы, что окутал его.

— Это я тебя хотела видеть, — произнесла она, и время остановилось. — Но не обольщайся. Ты ничего не получишь обратно. Все твое золото — не твое. Оно было украдено тобой из нашегоклада.

Словно удар молнии, эта истина пронзила Адейна. Его разум метался между ужасом и непониманием.

— Ты будешь наказан за воровство, — продолжала она, и ее голос нарастал, как надвигающаяся гроза.

В этот миг Адейн почувствовал, что спину ему прожигали жадные взгляды. Не успел он опомниться, как из темноты на него набросились, разрывая тишину пронзительными криками. Пытаясь вырваться, Адейн содрогнулся, наблюдая, как прекрасные спутницы превращаются в кошмарных чудовищ. Их глаза вспыхнули красным, как у волков, лица вытянулись, а рты распахнулись, обнажая острые клыки. Конечности вытянулись, ногти превратились в длинные когти, а за спинами расправились острые, насекомоподобные крылья. Их тела извивались, словно у гротескных хищников, жаждущих растерзать добычу. Адейн не растерялся. Обнажив свой серебряный клинок, он насчитал шестерых фурий. Черпая силы в бесстрашии, он ловко маневрировал, отражая их яростные атаки. Каждое чудовище в отдельности не было серьезной угрозой, но их численное превосходство подавляло. С каждым отбитым ударом сердце Адейна колотилось чаще, а враги надвигались со всех сторон, не оставляя ему ни секунды передышки. Сопrotивляясь с неукротимой решимостью, он чувствовал, как силы на исходе. В голове проносились мрачные мысли: выдержит ли он этот адский натиск, или его судьба решится этой ночью?

Одно из существ бросилось на него, когти протянулись, чтобы разорвать плоть. Адейн увернулся и отразил удар мечом. Клинок просвистел в воздухе, но фурия оказалась слишком проворной и отпрыгнула в сторону. Она закружила вокруг, и ее смех заполнил лес, словно зловещая симфония. Но Адейн не сдавался. Сбрав остатки сил, он заставил разум сконцентрироваться. Когда одна из «красавиц» ринулась в смертельную атаку, он сделал резкий выпад и вонзил меч ей в грудь. Фурия вскрикнула — и ее тело растворилось в воздухе, словно его и не было. Вслед за ней бесследно исчезли и остальные. Адейн тяжело дышал, все тело ныло, но сердце наполняла победа. Он одолел фурий, но понимал: борьба далека от завершения. Эти «дамы» были коварны, и Адейн начал подозревать, что они вернутся.

И они вернулись — на этот раз три фурии в темных одеяниях, будто сотканных из самой тьмы. Их волосы развевались, словно черные шали в невидимом вихре, а глаза светились ядовито-зеленым светом, от которого стыла кровь. Они закружили вокруг, как хищные птицы, выжидая, когда жертва дрогнет. Адейн почувствовал, как учащенно забилося сердце. До его слуха донесся мерзкий, шипящий голос: «Мы не потерпим воровства».

Холодный пот выступил на лбу. И тогда его охватила ярость, разжигая в нем бездонную силу. Резким взмахом меча он бросился вперед. Его движения были плавными, словно у птицы в полете, а клинок выписывал смертоносные узоры, поражая тварей с каждым размахом.

Битва была яростной и безжалостной. Чудовища нападали со всех сторон, пытаясь раздавить числом. Наконец, он поверг последнюю из них. Адейн тяжело дышал, но не позволил себе ни шага назад. Стоило последней твари рухнуть, как воздух снова содрогнулся от истошного визга. Из мрака выступили новые фурии — больше, уродливей, облепленные клочьями

черного тумана, будто сама ночь прилипла к их крыльям. Их глаза пылали зеленым огнем, а когти оставляли в воздухе следы.

Они обступили Адейна плотным кольцом, сомкнув круг так тесно, что за их крыльями не было видно даже неба. С каждой секундой становилось все темнее, будто свет медленно выдавливали из мира. В груди у Адейна поднялась волна удушья, как если бы воздух превратился в липкую жижу.

— Ты не уйдешь, — прошептал уже знакомый голос, но теперь он звучал не из одной глотки, а из десятков, перекликаясь и накладываясь друг на друга.

Фурии бросились вперед одновременно.

Первая метнулась сверху, целясь в горло. Адейн шагнул в сторону, клинок сверкнул короткой дугой — и крыло твари отделилось от тела. Вместо крови из раны вырвался столб черного дыма. Вторая попыталась вцепиться ему в спину, но он развернулся на пятке, низким, почти невидимым ударом разрубив ее пополам.

С каждой поверженной фурией туман вокруг него густел. Твари визжали, кружили, ныряли под удары, царапали броню, оставляя на металле длинные борозды, в которых поблескивала мрачная, вязкая жижа. Одна из них ухватила Адейна за плечо, когти пробили кожу, и резкая боль вспыхнула яркой вспышкой. Он взревел, не сдержавшись, и, вывернувшись, вонзил клинок ей прямо в пасть.

Меч дрогнул в его руках — будто откликнулся. Адейн почувствовал, как усталость на миг отступает, уступая место холодной, сосредоточенной ярости. Клинок стал легче, послушнее, словно сам вел его руку. Теперь Адейн уже не защищался — он атаковал. Он разрезал кольцо, в которое его зажали, удар за ударом вырывая себе пространство. Одна фурия рухнула, лишившись головы; другая, взвизгнув, отлетела в сторону с рассеченной грудью. Он двигался, как буря: низкий выпад, резкий разворот, взмах над головой — и снова вперед, не останавливаясь ни на миг.

Фурии истончались, как дым на ветру. Каждое попадание клинка не просто ранило — оно разрушало их одну за другой. Последние трое пошли разом на него: одна — в лицо, другая — в ноги, третья — в спину. Адейн пригнулся, пропуская над собой смертоносные когти, ударил по лапам той, что метнулась к его коленям, и, перекатившись по земле, ушел от удара сзади. Он поднялся одним движением и, не давая им опомниться, нанес три быстрых, почти неразличимых для глаза удара.

Воздух разрезал их визг. Фурии замерли, как статуи, а затем начали осыпаться серым пеплом, который исчезал, не успевая коснуться земли.

Тишина накрыла все так резко, что у Адейна зазвенело в ушах. Он стоял посреди искореженной земли. В горле жгло, руки дрожали. Он оперся на клинок, вонзив его в почву. Над полем боя медленно рассеивался черный туман. С ним уходило и давящее, вязкое чувство присутствия чего-то чуждого. Остался лишь ветер — прохладный, живой, настоящий. Он трепал волосы Адейна и колыхал лохмотья мертвых теней, уже почти истаявших. Меч, все так же чистый и острый, словно только что выкованный, тихо звенел в его руке, понемногу стихая, будто успокаивался после битвы вместе с хозяином. Тяжело опустившись на землю, он увидел, что тело покрыто глубокими ранами. Но боли он не чувствовал. Сознание помутнело, и он провалился в беспамятство.

Глава 2 КТО?

Под сводами пещер подземного острова Эларион, там, где само время замирало в благоговейной тишине, высился дивный город из кристаллов — Тарвини. Его храмы и дворцы были высечены из сверкающих алмазов, огненных рубинов и изумрудных плит. Народ Тарвини обладал необыкновенной внешностью: их кожа сияла, словно отполированные до зеркального блеска самоцветы, а плоть состояла из мельчайших частиц кристаллов. Каждый шаг тарвинийца оставлял за собой легкое сияние, похожее на утреннюю росу. Тарвини славились не только как искусные резчики по камню, но и как создатели уникального эфирита — их собственного изобретения и главного достояния. Лишь они владели магией этого камня, и искусство их заключалось в умении управлять им. По одному мановению руки жители Тарвини могли преобразить эфирит, создавая изысканные статуи, могучие защитные барьеры или любые иные волшебные творения. Характерный кристаллический блеск их кожи был прямым следствием долгого контакта с эфиритом. В процессе работы с камнем мельчайшая эфиритная пыль неизбежно оседала на кожу, впитывалась в нее и оставляла после себя сверкающий след.

Эфирит был предметом гордости, символом могущества и культурным наследием народа. Однако после страшной катастрофы, обрушившейся на город, эфирит бесследно исчез. Лишь старейшина, единственный оставшийся в живых свидетель тех трагических событий, знал всю правду; для остальных же произошедшее оставалось тайной. Именно старейшина наложил суровый запрет на создание эфирита, и никто не знал истинных причин этого решения. Теперь жалкие остатки народа, те, кто все еще носил в себе отблески эфирита, скрывались неподалеку от города Элвингарда, тщательно оберегая свое местоположение. Окутанные плотной пеленой невидимости, они томились в одиночестве, скрывая свою сущность от мира, который разучился ценить необычную красоту и видел в ней лишь угрозу.

Эсме была одной из самых юных и отважных жительниц Тарвини, и все же именно ей доверили возглавить команду защитников нового пристанища. Грაციозная, как дикая лань, она выделялась даже среди соплеменников: ее серебристые волосы, отливающие мягким зеленым мерцанием, ниспадали на плечи, игриво отражая любой лучик света. В ее руке всегда находился верный спутник — изящный кинжал, давно ставший продолжением ее воли. Эсме не ведала усталости и почти каждый день без остатка отдавала себя тренировкам, оттачивая мастерство.

Родителей Эсме потеряла в раннем детстве. О смерти жителей среди ее народа говорить было не принято. Поэтому память о них стерлась, оставив лишь холодную пустоту, которую девушка пыталась заполнить чужим одобрением. Она привыкла быть лучшей во всем: первой в беге, лучшей в боях, мудрее в советах. Страхом номер один для Эсме был не клинок врага, а собственная слабость. Она панически боялась подвести свой народ — оказаться недостаточно хорошей. Боязнь разочаровать тех, кто на нее надеялся, давила на плечи тяжелее стальных лат, заставляя тренироваться до полного изнеможения, пока остальные спали. Быть лучшей для нее было единственным способом дышать.

Каждый отведенный промежуток времени Эсме и трое ее спутников покидали уютные пределы укрытия, пересекая невидимую пелену, что скрывала их место обитания от чужих глаз. Группа Эсме оставалась на страже, бесшумно высматривая любые признаки угрозы, чтобы сохранить величайшую тайну своего народа. Для незваных взглядов их поразительная внешность была скрыта под потертыми темными накидками с глубокими капюшонами, надежно хранящими в тени сияние их кожи.

Их новое пристанище располагалось в сердце величественного леса Элдрин, где вековые деревья возносились к небу, словно молчаливые стражи. Густые кроны образовывали над городом живой зеленый купол, защищавший его от посторонних глаз и даривший обитателям чув-

ство покоя и безопасности. Поселение было украшено легкими постройками из натуральных материалов. Узоры из цветущих лиан и ягодных кустов оплетали дома, создавая впечатление единого целого с дышащим лесом. Здесь не было тяжелых стен или мрачных башен — лишь красота упорядоченности и естественная гармония. В центре, как символ веры и надежды, высился Великий Храм — место поклонения древним божествам. Войти внутрь позволялось лишь старейшине и двум его доверенным спутникам.

Жители Тарвини стремились жить в гармонии с природой, прислушиваясь к ее таинственному шепоту и общаясь с духами леса. Они воспитывались в духе глубокого уважения к миру вокруг и друг к другу. Будучи творчески одаренными, они превращали музыку, кулинарию и само общение в искусство, наполняя свой мир красками и смыслом. В их обществе царили общность и взаимопомощь, они всеми силами избегали насилия.

Одной из главных опор Эсме в этой жизни были ее верные друзья. С детства рядом с ней была Киара — великолепный стрелок, чья поддержка и душевное тепло помогали Эсме даже в самые темные времена. Рядом сражался Лирон, молодой и решительный воин, на чью стойкость в бою можно было положиться. А мудрая Элира, обладающая даром общения с природой, была для Эсме ценным советником и духовной наставницей.

В честь дня рождения Элиры тарвинийцы устроили волшебное пиршество, чтобы отметить этот особенный день. Они собрались на улице, украшенном мерцающими свечами, цветущими ветвями и светящимися фонариками. Воздух был напоен ароматом свежих трав и ночных цветов, создавая атмосферу безмятежной радости. На празднике были все, впервые за долгое время собравшихся вместе для столь великолепного торжества.

Столы ломились от разнообразных угощений: яркие салаты из сезонных овощей, душистые травяные супы и изысканные фруктовые десерты. На протяжении всего вечера они друг друга радовали душевными беседами и восхитительными выступлениями под аккомпанемент тихой музыки и песен. Подруги вспоминали лучшие моменты, проведенные вместе, делились впечатлениями и смеялись до слез.

— Ха-ха, Элира, впервые вижу тебя такой! Обычно от тебя улыбки не дождешься, а сегодня она у тебя на все лицо, — рассмеялась Эсме, откидываясь на спинку стула и слегка запрокидывая голову

— Праздничное настроение, друзья рядом... Почему бы не порадоваться? — мягко ответила Элира. Она провела пальцем по краю бокала и на мгновение задумчиво взглянула на ночное небо

— Вот это да, я даже немного растеряна от такой неожиданности, — честно призналась Киара, с легким сомнением пожав плечами. — От мадам «вечная серьезность» такой радости не ожидала, даже несмотря на ее праздник

— А по-моему, это только к лучшему. Если Элира улыбается — значит, все идет как надо. Или ты что-то хитрое замышляешь? — с легкой насмешкой заметил Лирон, скрестив руки на груди

— Не начинай, Лирон. Сегодня без подколов, ладно? — вмешалась Эсме. Она подняла палец вверх и с наигранной строгостью посмотрела на друга

— Ладно, сдаюсь. Не будет подколов, только пара капель сарказма, — рассмеялся Лирон, откинувшись назад и закинув локоть на стол

— Хорошо, только будь добрее, Лирон, и, между прочим, не только к Элире, — усмехнулась Киара. Потом она с любопытством посмотрела на улыбающуюся Элиру и спросила: — Скажи честно, в чем твой секрет? Как ты так ладишь с Лироном? То поддержите, то вовремя подбодрите друг друга... Он единственный, кто способен тебя рассмешить в любое время. Хотя вы с ним такие разные.

— Все просто. Чтобы сохранять с Лироном хорошие отношения, его нужно просто уметь слушать и делать вид, что он умеет хорошо шутить, — спокойно произнесла Элира, опуская взгляд и глубоко вдыхая вечерний воздух.

Этот день был особенным, поскольку был посвящен также к началу новой главы их жизни. Они неделями готовились к тяжелому и захватывающему путешествию, которое ожидало Эсме и ее компанию. С завтрашнего дня они собирались отправиться в сложное и опасное путешествие в Темный Лес, которое являлось продолжением леса Элдрин. Путником приходилось тщательно проверять свое снаряжение, обеспечивая, чтобы в нем не было ни единой детали, которую они могли бы пожалеть нести. Они подготовились к трудностям и опасностям, которые могли встретиться им на пути, и разработали стратегию для сохранности и успеха в этом вызывающем и рискованном деле. Вечерами проводили за подготовкой, обсуждая тактики, разрабатывая планы и осозная силы и слабости каждого члена их группы. Завтрашний день был ознаменован началом новой главы в их жизни, и все члены компании были наполнены волнением и решимостью. Это была важная миссия, которую они приступали с горящим желанием.

— Умение слушать — твой сильнейший талант, и не только по отношению к Лирону, — одобрительно кивнула Эсме, наклоняясь вперед.

— Да лучше б она всегда молчала и только слушала! Иногда ее спокойное «давайте обдумаем» тут же остужает весь наш азарт, — подхватил Лирон, и в его голосе сквозило легкое уважение.

— Главное — не поддаваться излишнему волнению в нужный момент, — спокойно сказала Элира, поправляя шарф.

— Мудро, — вздохнула Киара. — Хотя признаюсь, временами вы с Эсме своими «рассуждениями» сбиваете меня с толку. — Она произнесла это, слегка кривляясь.

— Ну нет, рассуждения — не для Эсме. Она пытается ради приличия угодить Элире, чтоб та не грустила, что ее глубокий разбор мыслей никому не интересен, — продолжил Лирон и посмотрел на Элиру с мягкой улыбкой.

Та улыбнулась ему в ответ, пожав плечами.

— Да, со мной все просто. Мне легче сразу проявлять свою силу, — усмехнулась Эсме, весело бросив взгляд на друзей.

— Ох... Эсме, какая сила... Ты даже за салатом не способна встать, — поддел Лирон, искоса глянув на нее.

— Говорите что хотите, — улыбнулась Элира, положив ладонь на стол, — но именно так и складывается команда: один планирует, другой переживает, третий мотивирует.

— Да уж, я всю жизнь удивляюсь, откуда у вас всех столько уверенности, — заметила Киара, неуверенно водя пальцем по краю бокала.

— Из опыта. И немного — из упрямства, — спокойно ответила Эсме, закинув руки за голову.

— Главное — чтобы мы могли положиться друг на друга не только в разговоре, но и когда придется столкнуться с трудностями, — тихо произнесла Элира, оглядывая каждого.

— Вот этого я и боюсь, — призналась Киара, и ее плечи опустились. — Завтра ведь намечается очередной поход, и мне до жути страшно...

— Страх — дело привычное, — твердо сказала Эсме. — Можно попытаться его заглушить разговорами.

— Или легким пинком под зад, — весело вставил Лирон, подмигнув Киаре.

— Только попробуй! — фыркнула та, прикрывая рот рукой. — Заору так, чтоб все услышали!

— Э, давайте без крика и пинков, — мягко добавила Элира, ободряюще сжимая ладонь Киары. — Все нормально.

— Вот именно, — согласилась Эсме, тепло улыбаясь. — Иначе мы бы не были той командой, какой стали.

— Поддерживаю, — кивнул Лирон. — Хотя иногда роль ворчуна так и просится, не скрою.

— А мне нравится, что вы всегда рядом. Эсме — огонь, Лирон — земля, — задумчиво произнесла Киара, улыбаясь обоим.

— А я, значит, море — спокойное и принимающее в себя все, — добавила Элира, и ее улыбка стала такой же глубокой.

— Ну, тогда я — воздух: легкая, переменчивая и непостоянная, — сказала Киара с легкой усмешкой. — Вы лучшие. Я, конечно, все еще боюсь насчет завтра, но с вами мне легче. — Она тихо произнесла эти слова, принимая салат и глядя на друзей с безграничной теплотой.

Чтобы окончательно удивить именинницу, Эсме протянула ей амулет, украшенный блестящими кристаллами, якобы зачарованный на удачу и защиту.

— Эсме, это... просто чудо! — ошеломленно выдохнула Элира, осторожно приняв подарок в ладони. Она не могла оторвать взгляд от того, как кристаллы вспыхивали в свете свечей. — Неужели ты сама все это придумала?

— Конечно, — с довольной улыбкой подтвердила Эсме, гордо вздернув подбородок. — Для кого еще стараться, если не для тебя? Я каждую бусинку выбирала с мыслью о твоём характере: терпеливом, но сильном.

— Вот уж кому-кому, а тебе удалось удивить Элиру, — с неподдельным уважением заметил Лирон, подмигнув имениннице. — Обычно она ко всему относится сдержанно, а тут — чуть ли не светится.

— Не удивительно, — вставила Киара, азартно разглядывая амулет. — Уверена, что теперь Элира будет самой удачливой из нас! Правда, Элира?

— Главное, чтобы удача распространялась и на друзей, — мягко улыбнулась та, снова проводя пальцем по гладкой поверхности кристалла. — Спасибо, Эсме... Это действительно очень ценно.

— Да ладно, не благодари, — смущенно махнула рукой Эсме, но в глазах у нее плясали веселые искорки. — Просто хотелось, чтобы твой год был особенным.

— С этим не поспоришь: такой подарок и правда на год вперед заряд дает, — заметил Лирон, лукаво глянув на друзей. — Только теперь тебе, Элира, придется чаще улыбаться — иначе амулет подумает, что ошибся адресом.

— Не переживай, — ответила Элира с легкой усмешкой, пряча подарок на груди.

— Если что, твоя ирония дополнительно защищать будет.

— Главное, чтоб почаще устраивались такие пиршества, — рассмеялась Киара.

— Это да. Ну что, выпьем за вечерний танец? — весело предложила Эсме, убирая тарелку в сторону.

— И за наше маленькое большое путешествие в завтрашний день! — подняла бокал Элира, и ее лицо сияло без остатка.

— За нас! — хором откликнулись Лирон и Киара, и в полумраке звонко встретились их бокалы.

Праздник длился до глубокой ночи, наполненный весельем, танцами и самыми теплыми пожеланиями в честь именинницы. Эсме, ее друзья и все гости пустились в пляс. Музыка, льющаяся сквозь воздух, создавала волшебную атмосферу, наполняя каждого радостью. Танцы начались с изящных и плавных движений под мелодичный напев флейты и ритмичный бой барабанов. Эсме и ее друзья парили в сияющих нарядах, вспыхивающих под светом мерцающих свечей и факелов.

Затем ритм стал живее и энергичнее, и все присутствующие с восторгом подхватили вызов, отдаваясь музыке целиком. Элира взяла свою дудку и заиграла зажигательные мелодии, от которых кровь бежала быстрее, а ноги сами просились в пляс. Они двигались с поразительной легкостью и грацией. Танцы не утихали до поздней ночи, и каждый отдавался радости и свободе, что дарили им магия музыки и общее веселье. Эта ночь навсегда осталась в их памяти как островок света и счастья.

Глава 3 Раненый в лесу

Медленно открывая глаза, Адейн почувствовал на лице прохладу ночного ветра и резко дернулся, не понимая, что происходит. Прошло несколько секунд, прежде чем он осознал, где находится. Вокруг него столпились люди. Кто-то пытался что-то объяснить, но Адейн слушал вполуха — его сознание было переполнено обрывками мыслей. Единственное, что удалось уловить: его, израненного и без сознания, нашли в лесу бродячие охотники вместе со своими собаками.

Он лежал на грубом деревянном топчане в маленькой хижине. На нем была чистая, чужая одежда, а раны аккуратно перевязаны. С трудом приподнявшись, Адейн осмотрелся. Хижина оказалась простой и почти пустой: несколько стульев, стол и камин. Напротив сидела пожилая женщина с морщинистым лицом и добрыми глазами.

— Как ты себя чувствуешь, сынок? — спросила она мягким, глуховатым голосом.

Он лишь покачал головой.

— Я не знаю... Все как в тумане.

— Тебя нашли прошлой ночью в лесу, — пояснила женщина. — Ты был сильно изранен и без сознания, лишь изредка что-то бормотал. Мы принесли тебя сюда и сделали все, что могли. Я растерла в ступке травы с медом и отваром корня девясила — этой смесью помазала самые глубокие порезы. Через пару дней должно зажить.

— Спасибо вам, — пробормотал он. — Я даже не знаю, как вас...

— Не стоит благодарности. Мы рады помочь. А как тебя зовут?

— Адейн.

— Приятно познакомиться, Адейн. Я Марта.

Адейн чувствовал себя совершенно дезориентированным и не мог сосредоточиться на ее словах. Он все еще пытался осмыслить происходящее. Как он здесь оказался? Кто его ранил?

— Не терзай себя сейчас, — успокоила Марта, заметив его смятение. — Просто отдохни. Мы о тебе позаботимся.

Адейн кивнул и закрыл глаза. Он был благодарен Марте и ее людям, но в голове царил хаос. Им овладевало стойкое чувство, что опасность еще не миновала и что ему нужно бежать.

В полумраке покосившейся хижины Адейн лежал без движения, его тело онемело от усталости и боли. До его сознания долетали приглушенные слова старушки, но он не мог разобрать их смысл. Силы окончательно оставили его, оставив лишь смутную тревогу.

Марта приблизилась бесшумными шагами, и на ее морщинистом лице застыла смесь сочувствия и беспокойства. Наклонившись над ним, она прошептала, и ее дыхание пахло сухими травами и ладаном:

— Дитя мое, ты же так сильно пострадал... Позволь мне помочь.

Но Адейн не мог даже пошевелиться. Его разум метался в тумане боли, а тело отказывалось слушаться. Теплое одеяло, укутывавшее его, лишь усиливало непреодолимое желание провалиться в сон.

— Тебе нужна помощь, — настаивала Марта. — Доверься мне.

Ответа не последовало. Адейн молча смотрел в потолок, его взгляд застилала пелена боли и истощения. Он был беспомощен.

Марта вздохнула, и ее голос дрогнул от легкой печали.

— Я сделаю все возможное, — сказала она. — Но, боюсь, с этим придется подождать.

Она отошла, и ее шаги затихли в дальней части хижины. Адейн остался один в сгущающихся сумерках, а его мысли металась в бесплодных попытках все вспомнить.

Он медленно осмотрелся. Хижина была сложена из причудливого сочетания дерева и камня, а крыша изнутри подпиралась соломенными балками. Люди в доме, одетые в простую, но яркую одежду, занимались своими повседневными делами. Снаружи доносился беззаботный гомон детских голосов — ребяташки смеялись и играли.

Марта снова вошла в хижину.

— Расскажите мне о вашем крае, — тихо попросил Адейн старушку.

Та тепло улыбнулась.

— Конечно, дорогой. Это деревня Розовая Роща. Живем мы тут просто: землю обрабатываем, кое-что на продажу меняем. Всего нас около двухсот душ.

Адейн кивнул:

— Интересно.

— А еще у меня есть внучка, Вэлиена, — с гордостью продолжила Марта. — Красавица, а голос — что песня соловья. Обязательно тебя с ней познакомлю.

Адейн вежливо улыбнулся, уловив в ее словах прозрачный намек.

— Ей бы давно замуж пора, — не стала скрывать Марта. — Семью заводить. Если ты свободен, может, присмотришься к ней?

Адейн покачал головой:

— Спасибо за предложение, бабушка, но я не ищу жену.

Марта сокрушенно вздохнула:

— Очень жаль. Вэлиена была бы для тебя идеальной парой.

— Возможно, она и была бы мне отличной женой, — тихо пробормотал он себе под нос, — но вряд ли я был бы для нее хорошим мужем.

Марта что-то шепнула одной из женщин в хижине, и та тут же выскользнула за дверь. Вскоре в комнату вошла Вэлиена, словно луч света в предзакатный час. Ее русые волосы, мягкие и шелковистые, волнами обрамляли нежное лицо с легким румянцем. Небольшой платочек то и дело съезжал с головы, и она то и дело поправляла его нетерпеливыми пальцами. Взгляд ее был скромно опущен, но даже так Адейн разглядел безупречную, фарфоровую кожу и тонкие, изящные черты. Он невольно отметил, что девушка и правда была прекрасна — хрупкая и чистая, как утренний цветок. Про себя Адейн вновь повторил свою мысль: да, она была бы достойной женой. Но он, с его темным прошлым и неясным будущим, определенно не был для нее парой.

Глава 4 Избранный

Адейн никогда не знал наверняка: если он получал рану в прошлом, во время одной из своих схваток, сквозь которые пролегли его путешествия, останется ли этот след на теле в настоящем. Он не отваживался рисковать напрасно и всякий раз с тревогой возвращался к этой мысли, вспоминая, как после каждого визита в былые эпохи чувствовал в теле тяжелую усталость и странную хрупкость — будто часть его жизненной силы утекла сквозь пальцы. Порой он с удивлением обнаруживал, что умеет делать то, чему никогда не учился: ловким движением поймать падающий предмет, мгновенно вычислить траекторию летящей стрелы, неожиданно для себя выдать короткий приказ на чужом языке. С каждым возвращением из глубин времени его будто наполняли новые, чужие умения. Медитировал Адейн всегда в полном уединении, скрываясь от любопытных глаз. Для посторонних оставалось загадкой, что на самом деле происходило в эти часы. Сидел ли он недвижимо или его тело совершало движения, недоступные обычному зрению? Этот вопрос был тайной даже для него самого — в медитации граница между телом и духом, временем и пространством размывалась до небытия.

На этот раз Адейн провалился в глубины сознания непроизвольно — усталость накрыла его с такой силой, что он не успел даже собраться с мыслями. Это «путешествие» было вызвано не волевым решением искать ответы в веках, а крайним истощением.

Перед его внутренним взором мгновенно ожила его любимая картина: Адейн очутился в самой гуще одной из битв, в теле закаленного воина. Сквозь рев и треск пламени сверкал его меч, а чуждые существа с драконьими мордами и кожистыми крыльями обрушивались на него с яростным рыком. Толчки участились, дыхание спуталось — и сам Адейн уже не понимал, был ли это отголосок чужой жизни или его собственные воспоминания, причудливо всплывшие из глубин памяти на гребне изнеможения.

Тем временем рядом сидела Вэлиена, с тревогой наблюдая за ним. Она не сводила глаз с его побледневшего лица: со стороны казалось, будто Адейн просто погрузился в тяжелый сон, измученный раной и лихорадкой. Иногда его пальцы непроизвольно дергались, а губы шептали едва слышные, бессвязные слова. Вэлиена утешала себя мыслью, что всему виной свежая рана, истощение и пережитые потрясения. Она тихо поправила ему под головой подушку и укрыла одеялом, гадая, какие видения терзают его сон.

Но в это время сквозь хаос и разрушение, Адейн различил среди пламени одну из хижин. Внутри он мельком увидел грациозную девушку. Ее черты были удивительно мягкими, а во взгляде плясал задорный огонек. Несмотря на опасность, окутавшую «его» в том мире, Адейн почувствовал к ней необъяснимое влечение. Едва отразив атаку крылатых тварей, он поспешил к хижине, охваченный желанием узнать незнакомку ближе. Она оказалась удивительным сплавом покорности и своенравия. Легко кокетничала, но в то же время проявляла поразительную независимость. В этой девушке была таинственная притягательность — загадка, скрытая в глубине взгляда или в легкой, едва тронувшей губы улыбке, — и она неизменно очаровывала Адейна. История о ней всплывала в его памяти снова и снова, становясь тихой гаванью, где он мог укрыться от любой бури. В этих мимолетных мгновениях, наполненных разделенной радостью и тихим ожиданием, его душа обретала покой, а сердце — сладкую, неведомую тяжесть любви, которой не было места в его настоящем.

Ее звали Фрея. В снах и тонких видениях они сражались плечом к плечу, вместе познавали опасности, строили свой маленький дом-пристанище, наполненный веселым смехом и тихой нежностью. В этих картинах, рожденных его воображением, их ничто не могло разлучить. Их связь казалась столь реальной, что ему отчаянно хотелось, чтобы они с Фреей затерялись в петлях времени и стали частью его настоящей судьбы. Но Адейн знал: эта счастливая жизнь была всего лишь выдумкой. Девушка из прошлого существовала наяву — он видел ее

мельком, быть может, обменялся с ней парой слов, но все остальное было творением его тоскующей души, идеальным миражом, лучом надежды в крошечной тьме его одиноких странствий.

Этот внутренний мир, где царили любовь и гармония, он бережно хранил в тайне. Никто и ничто не могло занять места, что заняла выдуманная Фрея. Он понимал: не стоит искать замену, ибо никакая реальность не в силах вытеснить жизнь, рожденную его мечтами, — жизнь, которая была для него всегда ближе и дороже любой подлинности.

Просыпаясь, Адейн каждый раз ощущал, насколько пустой и бессмысленной стала его жизнь без нее. Он тосковал по ее смеху, ее остроумию и ее непоколебимой преданности — тем качествам, что сам же ей и подарил. Годы, прожитые в бесчисленных «жизнях» собственного сознания, наложили на Адейна отпечаток мудрости, а стройное, но жилистое телосложение выдавало в нем воина, познавшего немало битв. Его лицо было воплощением суровой красоты: резкие черты и чувственные губы завораживали, а волосы цвета воронова крыла ниспадали на плечи, обрамляя высокий лоб. Но в его глазах таилась бездонная глубина — смесь познания и скорби. Казалось, он видел все, что когда-либо происходило под солнцем, и эти «воспоминания» были тяжким бременем, которое он нес в одиночку.

Каждая история, к которой прикасалось сознание Адейна, оставляла на нем свой след. Этот дар, открывшийся ему в далеком детстве, стал источником как удивительных знаний, так и бесконечной тоски. Сначала ему казалось, что это лишь необычные сны, но с каждым новым погружением он понимал: он касается истинного прошлого, моментов, которые когда-то действительно случались.

С малых лет он проявлял поразительную способность понимать историю, словно его душа была пронизана невидимыми нитями времени. Адейну не нужно было утомительно перелистывать страницы фолиантов, чтобы изучить подвиги древних героев или трагедии великих битв. Он мог вдохнуть саму атмосферу тех событий, полностью погружаясь в них сознанием.

Его сны уносили его на священные поля сражений, где венценосцы боролись за свои королевства. Эти видения были настолько реальны, так ярки, что оставляли в его памяти неизгладимые следы, навсегда формируя его восприятие мира.

Научившись различать зыбкие видения прошлого и плотную материю настоящего, Адейн вскоре осознал: его дар был не столько благословением, сколько неразлучным проклятием. Он познал истинную цену былых подвигов и вознесенной славы, ибо видел не только сияние побед, но и мрак предательств, горечь утрат и леденящий озноб одиночества, которым платили воины, короли, влюбленные и простые смертные за мимолетные мгновения величия. Каждая чужая потеря отзывалась эхом в его душе. Он был обречен вечно проживать один и тот же круг: боль, надежды, прощания и неизбежное забвение. С годами в нем поселилась темная пустота — разрастающаяся пропасть, куда рушились когда-то важные чувства. Все, что он созерцал, все, что пережил в чужих судьбах, убедило Адейна: счастье ускользает, люди забывают, а эмоции — лишь вспышки, оставляющие после себя лишь физическую усталость и неутолимый голод по покою. Тем самым он стал невероятно сдержанным — до пугающей черствости. Словно в нем заостенело само время, навеки запечатав любую вспышку радости или сердечной боли. Он не позволял себе чувствовать ни вдохновения, ни гнева, ни тепла. Его душа уподобилась дому, где погасли все огни и наглухо заперты все двери.

Но отказать в помощи, когда ее просили, он не мог — в этом тлела последняя искра его человечности. Он был способен совершить для ближнего невозможное, не испытывая при этом ни гордости, ни сострадания. Таков был его обет и, возможно, самая страшная плата за дар: нести помощь, не зная утешения.

Особую ценность для него имели воспоминания, связанные со скрытыми сокровищами. В каждой чужой жизни ему доводилось слышать слухи или подсмотреть местонахождение редких артефактов и древних реликвий. Эти знания, словно старинные карты с выцветшими чернилами, вели его к забытым кладам. Вооруженный опытом тысячелетий, Адейн стал охотни-

ком за сокровищами. Он путешествовал по самым дальним местам, используя свой дар для поисков утраченных реликвий, тщательно скрывая при этом свою истинную природу.

И он вновь возвращался к извечному вопросу. Что же такое его судьба — проклятие или благословение? С одной стороны, он был вечным пленником чужих страданий. С другой — накопленная мудрость и сила делали его существом поистине уникальным.

Глава 5 Путь Чудес: Там, где сходится любовь

Темный лес простирался неподалеку от нового пристанища тарвинийцев — мрачная, загадочная чаща, пронизанная вечными сумерками и неведомыми тайнами. С северо-запада высился город Элвингард, чьи жители, словно малые дети, боялись приближаться к его опушке, предпочитая ласковую защиту привычного света. С западной стороны начинался сам Темный лес — безымянный, пугающий своей звенящей тишиной и мерцающими тенями меж больших стволов. Именно туда на этот раз держала путь Эсме со своими спутниками.

Их прежние вылазки охватывали восточные и южные окраины, где каждый ручей и холм были уже изучены. Но запад оставался — густая чаща, казалось, хранила свои секреты для тех, кто осмелится переступить границу солнечного Элдрина.

Нынешний поход не был продиктован простым любопытством. Им предстояло проникнуть в самую глубь неисследованной чащи, понять ее природу и, возможно, найти то, что веками скрывалось от чужих взоров.

Молва, витавшая в тарвинийском поселении, пестрела леденящими душу историями: о заколдованных существах, наделенных силой, способной пробудить самые потаенные страхи. Говорили, что твари, обитающие в его глубине, никогда не покидают укрытия теней, охраняя свою территорию. До недавнего времени никто не осмеливался войти в лес, пока тревожные звуки, донесшиеся с запада, не вызвали панику среди жителей.

И вот Эсме вместе с командой впервые ступили на запретную тропу, вьющуюся меж исполинских деревьев и спутанных ветвей. Безмолвие витало в воздухе, изредка нарушаемое лишь шорохом листьев. Но каждый порыв ветра, превращавшийся в протяжный стон, заставлял стволы скрипеть, от которых кровь стыла в жилах.

Их задание было простым, но отважным: обойти чащу и убедиться, что она не таит угрозы для сородичей. Внезапно в кажущейся безмятежности послышались едва уловимые звуки — тихий топот крошечных существ. Это доказывало, что жизнь здесь не угасла в этом месте.

— А представьте, если бы ничего не случилось с нашим городом... Нам бы не пришлось покидать дом и рисковать жизнями, — задумчиво произнесла Киара.

Элира кивнула, всматриваясь в лесную чащу:

— Может, и так. Но хорошо, что хоть кто-то из нашего рода уцелел. Иначе тарвинийцы исчезли бы навсегда.

Киара вздохнула:

— Да-а-а... Это было бы еще хуже. Нас тогда бы просто не было.

Лирон усмехнулся и бросил взгляд на подруг:

— Ну вот, а так у нас настоящие приключения. Никогда не знаешь, что случится завтра! А если бы ничего не произошло, целыми днями ели бы да спали.

Эсме и Элира обменялись улыбками, весело глядя на Лирона. Тот, воодушевившись, продолжил:

— Да-да, и выглядели бы мы... помните, как те упитанные звери на прошлой вылазке?

Эсме прыснула со смеху:

— Это же были свиньи!

Лирон с ехидной улыбкой кивнул в сторону Киары:

— Во-во, Киара была бы вылитая копия — засыпала бы с пирогом в руках и посапывала во сне.

Киара лишь закатила глаза, изображая возмущение. Эсме подошла к ней, обняла за плечи и тихо сказала:

— Киара, у нас очень интересная жизнь. Мы — надежда и гордость нашего народа. И, главное, мы все тебя любим.

Проведя в странствиях немало времени, спутники неожиданно вышли на необычную поляну. Перед ними возвышались два исполинских дерева. Они стояли так близко, что щель между ними была не шире метра. Их стволы были неестественно прямыми, будто выточенными рукой искусного мастера, а на темной коре виднелись символы, незнакомые Эсме. Поддавшись внезапному порыву, она знаком подозвала товарищей. Сделав дрожащий шаг в узкий проход, она едва коснулась ногой его границы — и перед ней возникла дверь.

Дверь стояла посреди леса, одинокая и загадочная, не примыкая ни к какой постройке, словно врата в иную реальность. Эсме обернулась к спутникам, встретила их безмолвное согласие и твердый кивок — и, не говоря ни слова, они вместе перешагнули порог.

Мгновение спустя они оказались внутри величественной башни, чьи своды терялись в поднебесье. Этажей было не меньше двадцати пяти, а лабиринты коридоров и залов пропитались запахом сырости, тлена и болотной гнили. Среди обломков Эсме заметила останки птиц. «Вороны», — мелькнуло у нее в голове. Их было больше полусотни, разбросанных по полу. Поднявшись по скрипучим ступеням в самые потаенные недра башни, Эсме оказалась перед массивным камнем, покрытым неестественными символами, что отливало холодным светом в полумраке. Его загадочная аура манила с необъяснимой силой. Поддавшись порыву, она подняла руку и коснулась ледяной поверхности. И в тот же миг перед ее глазами разверзлась яркая, мучительная картина: мальчик с глазами, полными отчаяния, кричал и плакал, словно пытаясь вырваться на свободу. Его руки бессильно тянулись вниз из окна замка, будто он собирался шагнуть вниз. Зрелище было настолько душераздирающим, что казалось — ее собственная душа треснула под тяжестью чужого горя.

Сдержанно скрыв тревогу от спутников, хотя сердце ее бешено колотилось, Эсме убрала руку от камня. Легким движением она поправила одежду и, словно пытаясь убежать от пронзившего ее шока, медленно направилась по узкому коридору, ведущему в одну из комнат замка. В тесной, затененной камере тусклый свет пробивался сквозь грязные витражи. Эсме остановилась у окна, и ее взгляд встретил размытый силуэт внешнего мира. На миг девушка задержала взгляд, прочувствовав странное предчувствие, и молча дала друзьям знак: пора покинуть это место, не углубляясь в исследование темных залов башни.

Осторожно, словно опасаясь разбудить давно забытые силы, они вышли из башни. Эсме медленно закрыла за собой дверь. Едва створки захлопнулись, башня начала таять на глазах — ее очертания растворились в мерцающем свете. Пройдя узкую расщелину между гигантскими стволами деревьев, путники обернулись, но на месте волшебной двери увидели лишь пустоту.

«Странно», — подумала Эсме, размышляя о том, как тонка грань между видимым и неведомым.

— Я могу прокомментировать? — спросил Лирон.

— Нет, помолчи. Не будем это обсуждать, — уравновешенно ответила Элира.

Они двинулись дальше, углубляясь в чащу, в самые дикие и малоизученные уголки леса. Под лунным светом они чувствовали покровительство природы, которая освещала им путь во тьме. Эсме на миг зажмурилась, пытаясь заглушить странное беспокойство, но тревога лишь нарастала. Ей чудилось, будто кто-то крадется по опавшим веткам прямо за спиной. Элира обернулась к подруге — ее взгляд был мягким, но настороженным.

— Все в порядке? У тебя такой испуганный вид.

Голос Элиры звучал тихо, но уверенно. Эсме попыталась выпрямиться и с легким вздохом ответила:

— Да, вполне.

В тот миг ее губы дрогнули в кривой, едва заметной улыбке, но сердце подсказывало другое. Девушка чувствовала слабый укол вины за эту бесполезную ложь.

Путешествие привело их через густые заросли лиан и застывшие водопады, открывая взору красоту и диковинность этого удивительного уголка мира. Под сенью деревьев повисла тревожная тишина. Вдруг совсем рядом, за кустами, раздался резкий шорох. Листья затрепетали, ветки захрустели — казалось, кто-то пробирался сквозь чащу, даже не пытаясь скрыть своего присутствия.

Киара вздрогнула и ухватила за плечо Эсме:

— Слышали?!

Элира сжала палку и прошептала:

— Это... оно совсем близко.

Киара отступила на шаг назад, нервно оглядываясь:

— Может, мы зря сюда пошли?..

Эсме пристально вглядывалась в кусты, замирая вместе со всеми. И тут из зарослей выскочил небольшой рыжий зверек с пушистым хвостом. Ловко перебежав полянку, он скрылся в противоположной стороне.

Киара выдохнула с облегчением

— Господи, это всего лишь лиса!

Элира рассмеялась, опуская палку:

— Какой геройский отряд... боимся даже лис!

Лирион с притворной серьезностью добавил:

— Вот если бы это был волк — я бы точно пустился наутек.

Эсме улыбнулась друзьям:

— Зато теперь мы знаем: страшнее наших фантазий в этом лесу пока ничего не встретилось.

Герои замерли на краю тропы, прислушиваясь к звукам Темного леса. Тишину нарушал лишь тихий шелест листвы и отдаленное потрескивание веток.

Элира, нахмурившись, спросила:

— Вы чувствуете? Здесь совсем другая энергия. Как будто что-то следит за нами.

Лирион оглянулся и попытался шутить:

— Может, это просто совы? Или еще какие-нибудь безобидные зверьки...

Киара, скрестив руки на груди, покачала головой:

— Нет, Лирион. Мне не по себе.

Лирион фыркнул:

— Киара, черт, опять ты за свое. Каждый раз удивляюсь, зачем мы берем тебя с собой. Вечно одно и то же нытье.

Эсме шагнула вперед, окинув друзей твердым взглядом:

— Хватит. Не забываете, зачем мы здесь. Если станет совсем страшно, помните: мы вместе.

Лирион кивнул, пытаясь казаться храбрее, чем был на самом деле:

— Главное, чтобы ты не бросила меня первым на растерзание каким-нибудь тварям.
Киара улыбнулась сквозь тревогу:

— Тогда, Лирон, держись ко мне поближе. Постараюсь тебя спасти.

Элира тихо рассмеялась, но вдруг замолкла, внимательно глядя в лица друзей. В ее голосе прозвучала смесь удивления и укора:

— Что с нами? Почему у всех такие испуганные лица? Мы ведь всегда были смелее любого. Сколько всего прошли... С чего вдруг теперь дрожим?

Эсме не сдержала смех и весело покачала головой:

— Элира, да мы всегда такие! Просто никто не замечает. Возвращаемся домой — и все уверены, что мы даже не моргнем, встретив опасность. Никому и в голову не приходит, сколько страхов мы тут переживаем.

Киара поджала губы, но в ее глазах мелькнула теплая улыбка:

— Если бы они знали, как иногда хочется просто развернуться и бежать обратно домой...

На эту фразу никто не ответил, и они продолжили путь в молчании.

Их размышления прервал резкий шорох. Взоры друзей мгновенно метнулись по сторонам, выискивая источник звука в густой тени деревьев.

Лирон пробормотал:

— Наверное, опять лиса...

— Лиса? — Киара вскинула бровь. — Это ты так называешь все, что пугает тебя до полусмерти?

Он резко обернулся:

— А ты, может, сама пойдешь проверишь? Раз уж такая смелая. Только не начинай потом ныть, если что-то пойдет не так.

Киара вспыхнула:

— Ныть? Это я ною?

— А кто? — перебил Лирон. — Кто каждый раз твердит: «Мне страшно, мне не по себе, давайте вернемся»? Ты хоть понимаешь, как это действует на остальных?

Элира нахмурилась:

— Лирон, хватит. Иногда лучше сказать, что страшно, чем делать вид, что все в порядке, а потом паниковать в самый важный момент.

— О да, — усмехнулся он. — Как в прошлый раз, когда ты «не паниковала» и едва не завалила нам всю вылазку?

Элира побледнела, губы дрогнули:

— Ты прекрасно знаешь, что тогда случилось! Я устала, я...

— Ты всегда «устала», — перебил он. — Но при этом первая лезешь в самое пекло, чтобы потом все вокруг тебя спасали.

Киара шагнула ближе, глаза потемнели:

— Не смей так говорить с ней.

— А то что? — Лирон скрестил руки на груди. — Заклинание в меня швырнешь? Или снова спрячешься за Эсме, как только станет по-настоящему опасно?

Киара побледнела от злости:

— Это ты спрятался за меня, когда на нас напали у старой башни! Ты стоял за моей спиной и трясся так, что я даже слышала, как у тебя зубы стучат!

— Потому что ты встала впереди, не спросив никого! — взорвался Лирон. — Как всегда! Лезешь вперед, а потом делаешь вид, будто спасла нас, а не подставила!

Элира вспыхнула:

— Она нас тогда спасла! Если бы не Киара...

— Если бы не Киара, — холодно перебил он, — нам бы не пришлось выбираться из той передраги с переломанными ребрами. Тебе приятно было, Элира, когда тебя вытаскивали без сознания?

Тень проскользнула по лицу Эсме, но она все еще пыталась удержать спокойствие:

— Лирон, сейчас не время...

Он резко повернулся к ней:

— А ты не начинай. Ты же у нас главная — «мы вместе», «мы справимся». Только вот, когда становится слишком горячо, почему-то решения принимаешь одна. И даже не спрашиваешь, готовы ли мы.

Эсме сузила глаза:

— Потому что, пока вы спорите и трясетесь, кто-то должен думать. Если бы я каждый раз ждала, пока вы созрете, нас бы уже давно не было.

Киара фыркнула:

— Думаешь? Ты называешь «думать» то, как ты нас утащила сюда, в эту проклятую чашу? Мы даже не обсудили, идем ли дальше. Ты просто сказала: «Надо», — и все.

— Потому что это нужно, — жестко ответила Эсме. — Но вы же, конечно, можете вернуться к своему «мне страшно» и «наверное, это лиса».

Лирон шагнул к ней ближе, в голосе зазвучала ярость:

— Не смей выставлять нас трусами, Эсме. Не после всего, что мы пережили вместе.

— А кто вы тогда? — ее голос стал ледяным. — Герои? Серьезно? Вы смотрите друг на друга — и видите только страх. Стоит чуть-чуть потрясти привычный порядок — и вы разрываетесь друг на друга, как сейчас.

Киара сжала кулаки:

— Думаешь, ты лучше?

— Я хотя бы не прячусь за красивыми словами, — отрезала Эсме. — Я знаю, чего хочу, и знаю, что за это придется платить.

Элира подняла руки, но голос у нее сорвался:

— Перестаньте. Пожалуйста. Мы... мы не можем так. Не сейчас.

— Почему нет? — Лирон резко повернулся к ней. — Может, как раз сейчас самое время. Я устал делать вид, что все нормально. Устал слушать твои нервные смешки, плач Киары и приказы Эсме.

— Приказы?! — глаза Эсме вспыхнули. — Если бы я действительно отдавала приказы, ты бы сейчас не открывал рот. Я все еще считаюсь с вами, хотя, по правде, все чаще думаю, что зря.

Киара прошептала, но в ее голосе звенела сталь:

— Тогда почему ты нас не бросишь?

— Потому что, — Эсме шагнула почти вплотную, — кто-то должен следить, чтобы вы не угробили друг друга из-за собственной слабости.

Между ними повисло тяжелое, натянутое молчание. В воздухе словно искры потрескивали — от сдерживаемой ярости, взаимных обид и старых ран, которые никто не хотел признавать, но каждый помнил до мелочей.

Вскоре шорох повторился — на этот раз громче, будто что-то пробиралось сквозь заросли прямо рядом с ними. Доверять необъяснимому звуку было опасно, и компания укрылась за массивными кустами, затаив дыхание и пытаясь уловить любое движение вокруг.

Минуты тянулись мучительно медленно, напряжение нарастало. Внезапно из темноты донесся тихий шепот — он словно скользил по воздуху, заставляя нервы трепетать. Сердца забились в новом, тревожном ритме, а по спине пробежал холодок страха.

В тот миг они поняли: столкнулись с чем-то настоящим. Шепот, доносившийся из темноты, был наполнен злом и предвестиями неминуемого ужаса. Их взгляды метались по окру-

жающему мраку, но не находили ничего, что могло бы объяснить эти звуки. Внезапно реальность изменилась. Эсме и ее друзья осознали, что шорохи были не галлюцинациями. Темный лес ожил, порождая жуткие формы — извилистые тени сплетались и сгущались, превращаясь в монстра, окутанного дымными кольцами.

Сущность была отвратительна: ее лицо искажали ядовито-зеленые узоры, а глаза пылали неземным огнем. Стало ясно — они столкнулись с нечеловеческим исчадием. В завязавшейся схватке каждый использовал все свои навыки и оружие, чтобы отразить атаку чудовища. Тенеподобное существо, вынырнувшее из мрака, окружило Эсме и ее друзей, неумолимо смыкая круг. Его бесформенные конечности постоянно менялись. Но сквозь струящуюся дымку порой проступали плотные, обугленные отростки, напоминая, что враг не был просто призраком. С ледяной решимостью Лирон метнул один за другим свои ножи. Клинки рассекали дым, звонко вонзаясь в плоть. Существо взвыло — теперь было ясно, что это не просто тень, а нечто материальное, способное чувствовать боль. Лирон ловко уворачивался от темных отростков, каждый раз ощущая, как его лезвия встречают странную, упруго-резиновую, но однозначно реальную плоть.

Внезапно Эсме почувствовала, как почва под ногами становится зыбкой, словно скрывая под собой пустоту. Не успев осознать опасность, она схватила кинжал, и инстинктивно вонзила его в землю. В тот же миг грунт предательски провалился. Успев схватить друзей за руки, Эсме прыгнула вниз, увлекая всех за собой в черную бездну.

Падение оказалось недолгим, но в эти мгновения тьма сжимала сердца ледяной хваткой. В вихре боли и отчаяния они летели вниз, пока не рухнули на что-то твердое. Удар отозвался во всем теле. Пещера, в которую они упали, оказалась огромной — с высокими сводами и мерцающими кристаллами, испускающими призрачное свечение. Друзья огляделись, пораженные открывшимся видом.

— Невероятно, — прошептала Элира. — Я никогда не видела ничего подобного.

Эсме кивнула:

— Да. Но нужно быть настороже. Неизвестно, что нас здесь ждет.

Осторожно двинувшись вглубь, они вскоре обнаружили узкий проход, теряющийся в темноте.

— Думаешь, стоит идти? — спросила Элира.

Эсме колебалась:

— Не знаю. Но другого пути я не вижу.

Решив рискнуть, они вошли в проход. Извилистый коридор вскоре расширился в обширную камеру, в центре которой стоял кристалл, заливавший все вокруг ослепительным сиянием. Друзья замерли, не в силах отвести взгляд.

— Что это? — прошептала Элира.

— Не знаю, — тихо ответил Лирон. — Но думаю, лучше держаться подальше.

Эсме кивнула. Они уже повернулись к выходу, когда одна из граней кристалла внезапно откололась и устремилась вниз, прямо на их головы. Не раздумывая, Эсме взметнула руки, и пространство между ладонями и падающим осколком озарилось магическим потоком. Энергетическая пелена застыла в воздухе, улавливая каждый фрагмент разлетающейся груды. Ошеломленные друзья затаили дыхание, наблюдая, как магия Эсме превращает хаос в порядок.

Внезапно Лирон вскрикнул, и в его голосе дрожала тревога:

— Эсме, немедленно отойди и отпусти его!

Слова Лирона прокатились эхом по залу. Повторив их про себя, Эсме медленно ослабила магическое поле, позволив кристаллу плавно опуститься вниз. Когда хрупкий минерал коснулся каменного пола, раздался глухой удар, и вибрация прошла по всей пещере. На гла-

зах у изумленной компании кристалл раскололся на множество осколков, каждый из которых мерцал светом.

Киара, охваченная благоговейным трепетом, воскликнула:

— Неужели это эфирит? Невероятно!

Элира тревожно взглянула на мерцающие осколки и тихо, но твердо ответила:

— Необычно, но нам лучше покинуть это место.

Однако Киара, пойманная духом приключений, не сдавалась:

— Элира, подумай! Это эфирит — наследие наших предков. Неужели мы просто оставим его без внимания?

Но Лирон решительно прервал спор:

— Идем, и все. Мы пришли сюда не за этим. Значение этого камня для нас — загадка, зачем впутываться в его магические сети?

Друзья, раздираемые между волнением и осторожностью, оставили спор за порогом зала и двинулись дальше. Перед уходом Эсме незаметно подобрала небольшой осколок кристалла и спрятала его в складках одежды.

Долго блуждая по извилистым тоннелям, они обнаружили на каменистой стене естественную груду земли, напоминающую лестницу, ведущую наверх.

Оказавшись под открытым небом, они погрузились в темный лес, где ветви сплетались в причудливые узоры, а тишину изредка нарушали шорохи невидимых существ. В полумраке друзья вполголоса обсуждали встречу с загадочным существом — его облик и намерения оставляли тягостное предчувствие. Одни предлагали оставить его в покое, другие, движимые отвагой и жаждой справедливости, настаивали на том, чтобы покончить с угрозой раз и навсегда.

Недолго поблуждав между деревьями, они услышали эхом разносившиеся крики — смесь мужских и женских голосов, полных отчаяния и боли. Лирон, не теряя ни секунды, воскликнул:

— Им нужна помощь, быстрее!

Эсме шагнула вперед, ее плащ колыхнулся на вечернем ветру. Вокруг стоял густой лес, наполненный шепотом листьев и тревожной тишиной. Лирон нахмурился, его рука непроизвольно сжала рукоять меча, а Киара и Элира обменялись настороженными взглядами.

Из группы людей вышел высокий мужчина с глубокими морщинами на лице и потрепанной одеждой. Его глаза были заплаканы и отечны, будто прошлая ночь стала для него настоящей пыткой.

— Меня зовут Алан, — произнес он, и голос его дрожал от усталости. — Я староста поселения Друннвуд. Того, что у опушки... вернее, того, что было там.

Эсме мягко кивнула, слегка сдвинув брови.

— Что случилось?

Алан сжал кулаки, будто пытаясь удержать нахлынувшие воспоминания.

— Не знаю. Не люди... или не совсем люди. Сначала подожгли амбары, потом начали вытаскивать нас из домов. Никто не погиб — мы сбежали сюда, в лес.

— Сколько вас? — спросила Киара, и ее голос прозвучал тверже обычного.

— Десять... пятнадцать... остальные... Кто-то бежал в другую сторону, мы их потеряли. — Он замолчал, и в его взгляде читалось немое отчаяние.

Лирон резко шагнул вперед, его золотистые глаза сверкнули в сумерках. Он приблизился к Эсме и положил руку на ее плечо.

— Эсме, — прошептал он, наклоняясь. — Они бегут от того, чего даже не понимают. Что ты задумала?

— Мы не оставим их, — отрезала Эсме, не повышая голоса, но так, что спорить было бесполезно.

В этот момент она почувствовала, как капюшон съезжает, и быстро поправила его, надеясь, что в темноте незнакомцы не разглядят их как следует.

Алан вздрогнул, заметив мелькнувший под тканью силуэт, и его взгляд стал настороженным.

— Кто вы?

Киара перехватила его взгляд и усмехнулась.

— Неважно.

Толпа замерла в нерешительности. Алан шагнул вперед, явно колеблясь:

— Откуда нам знать, что вы не ведете нас в ловушку? У нас уже были «спасители»... — он с горечью дернул подбородком, — а потом мы теряли людей.

Киара фыркнула, скрестив руки на груди:

— Мы здесь не для того, чтобы уговаривать. Хотите — идите с нами, нет — оставайтесь.

Женщина с перевязанной рукой преградила ей путь:

— Ты слишком молода, чтобы так разговаривать.

Элира выступила вперед, и в ее голосе зазвучало беспокойство:

— В этом лесу водится нечто ужасное. Мы рискуем ничуть не меньше вас!

Лирон нетерпеливо вздохнул и бросил через плечо:

— Не хотите — не идите. Вам же хуже.

Эсме мягко взяла его за руку, останавливая, и тихо сказала:

— Лирон... мы не можем их бросить. Дай им время понять.

Повернувшись к толпе, она заговорила спокойно:

— Мы не опасны для вас — если бы хотели зла, уже совершили бы его. Сейчас у нас одна цель: спастись.

Повисла напряженная тишина. Та же женщина с перевязанной рукой наконец кивнула:

— Ладно. Ведите. Но если что — мы сдадим вас первыми.

Элира устало усмехнулась:

— Попробуйте еще догнать.

Киара хмыкнула, подмигнув Эсме, и первой шагнула в сторону леса. Толпа нерешительно потянулась за ней.

Одна из женщин вышла вперед и тихо сказала:

— Мы не знаем, кто вы... но если можете помочь — мы пойдем с вами.

Элира заговорила, ее голос был тихим, но четким:

— Тогда слушайте. Наша цель — обойти лес и понять, что здесь происходит.

Если решите идти с нами — держитесь вместе и не отставайте.

Алан глубоко вздохнул и кивнул:

— Ладно. Лучше такой шанс, чем никакого.

Путники двинулись по тропе, окруженной деревьями, чьи ветви тихо шептались. Но вскоре напряженную тишину нарушили тарвинийцы — они обрушились на Эсме с вопросами. Отойдя от группы, друзья сбились в тесный круг.

Элира скрестила руки, ее серебристые глаза сверкнули в полумраке:

— Зачем ты на это решилась? Тарвинийцы не любят людей, — прошипела она. — И ты прекрасно знаешь почему. Ты знаешь, как наши относятся к ним.

Лирон мрачно кивнул, его пальцы нервно постукивали по рукояти кинжала:

— А если они решат, что мы — часть их беды?

Киара, обычно молчаливая, резко повернулась к Эсме:

— Ты хочешь провести их через Пелену Невидимости? А если они убьют нас при первом удобном случае? Или наши нападут на них, если те нарушат границы?

Эсме сжала кулаки. Она чувствовала страх друзей — но также видела дрожь в руках спасенных людей, слышала прерывистое дыхание детей.

— Мы не можем оставить их здесь, — сказала она тихо, но твердо. — Если то чудовище вернется, эти люди умрут. Мы сами не смогли с ним справиться. Их кровь будет на нас.

Алан, стоявший поодаль, но прислушивавшийся к разговору, сделал шаг вперед. Его лицо было бледным:

— Мы... мы не просим чудес. Но если в лесу есть то, что нужно этим тварям — они вернутся. Мы можем не пережить следующую ночь.

Элира закатила глаза:

— Вот именно. Значит, проблема решится сама — они умрут, а мы не будем виноваты.

Эсме резко повернулась к ней, глаза вспыхнули яростным золотым светом — на миг, лишь на миг, прежде чем она взяла себя в руки.

— Ты слышишь себя?! — прошептала она сдавленно. — Мы не монстры. Если можем помочь — обязаны.

Лирон схватил ее за руку:

— А если из-за этого погибнут наши?

Воцарилась тишина. Даже ветер замер.

Эсме закрыла глаза, потом медленно выдохнула:

— Тогда я возьму вину на себя. Но я не оставлю их.

Она обернулась к людям. Их испуганные лица, грязные, в царапинах, казались такими хрупкими в лесном сумраке.

— Я понимаю ваш страх, — сказала она громко, и голос ее прозвучал как колокол в тишине. — Но клянусь вам: пока вы с нами, ни одно существо не коснется вас. Мы проведем вас в безопасное место.

Люди переглянулись. Алан медленно кивнул.

— Хорошо. Мы идем с вами.

Группа двинулась вперед, пробираясь сквозь чащу. Эсме шла рядом с Аланом, наблюдая, как его взгляд беспокойно скользит по деревьям.

— В этом лесу водятся опасные существа, — пробормотал он, словно пытаясь разрядить тягостное молчание. — Но, кажется, вас они не трогают.

Эсме улынулась.

— На-ве-рно-е... — Она не стала делиться тем, что видела, чтобы не пугать людей.

Когда лес немного посветлел, Алан на миг задержал взгляд на глазах Эсме и ее необычной одежде.

— Кто вы на самом деле?

Киара, шедшая сзади, фыркнула:

— Какой ты наблюдательный.

Но Эсме лишь покачала головой:

— Мы — тарвини. Древний народ. Мы живем в гармонии с природой... и защищаем ее.

Алан задумался:

— Вы упоминали что-то... пелену?

Лирон резко обернулся, но Эсме мягко остановила его взглядом.

— Это магия, скрывающая наши земли от чужих глаз. Чтобы никто не мог найти нас... или навредить.

Алан замер:

— И вы ведете нас... туда?

Эсме кивнула:

— Если вы будете уважать наши законы — мы покажем вам безопасное место.

В этот момент они проходили мимо узкого прохода между скал — той самой пещеры, откуда Эсме и ее друзья недавно выбрались.

Вдруг Алан резко остановился. Его пальцы сжались в кулаки, глаза расширились.

Эсме нахмурилась:

— Что-то не так?

Он не сразу ответил, его взгляд был прикован к темному входу.

— Вы... были внутри?

Эсме почувствовала, как Лирон и Элира напряглись за ее спиной.

— Да. А ты?

Алан продолжил, меняя тему:

— Ты очень красива, — сказал он.

Эсме смутилась и ответила:

— Спасибо.

Это был первый раз, когда кто-то сделал ей комплимент о внешности.

Они продолжили путь, и Алан расспрашивал о ее народе. Эсме охотно отвечала — она искренне любила свою культуру и традиции.

На привале Эсме и Алан разговаривали так увлеченно, что забыли обо всем вокруг. Они делились мечтами, страхами и надеждами, и вскоре оба незаметно для себя уснули.

Эсме приснилось родное место: вокруг все пели и танцевали, а она, присоединившись к ним, чувствовала себя абсолютно счастливой. Алану же снилось его поселение — процветающее и мирное, где все жители были довольны, а он гордился своей ролью старосты.

Они проснулись почти одновременно — Эсме от тихого шороха листвы, Алан от того, что голова соскользнула с сложенных рук. Солнце уже поднялось выше, в ветвях лениво перекликались птицы. Остальные еще возились у костра, не обращая на них особого внимания.

Эсме потянулась, стряхивая остатки сна, и бросила на Алана короткий, испытующий взгляд.

— Слушай, Алан... — она чуть приглушила голос. — По поводу нашего разговора. Ты тогда спросил про то место. Почему ты им так заинтересовался?

Алан зевнул, откидывая с лица волосы, и ответил слишком легко:

— Просто интересно было, что там.

Эсме какое-то время молча смотрела на него, вглядываясь в лицо.

— Ничего, — наконец произнесла она, почти небрежно. — А ты там был?

— Нет, — сказал он слишком быстро.

Его губы едва заметно дрогнули, уголок рта нервно дернулся, взгляд на миг ушел в сторону. Эсме не нужен был ни магический дар, ни особая проницательность — она сразу поняла: он врет.

— Понятно... и все же, Алан, — она вернулась к нему глазами, внимательными и уже менее доверчивыми, — если ты никогда там не был... почему тогда, когда я описывала дорогу, ты кивал так, будто и сам ее знаешь?

Их общение прервал жуткий грохот, похожий на раскат грома. Все мгновенно вскочили. Киара резко подняла руку

— Тише!

Все замерли. Где-то впереди, в чаще, что-то зашевелилось.

Внезапно их окружил темный круг, медленно сжимающийся и прижимающий всех друг к другу. Воздух стал густым, пропитанным запахом гниющих листьев и медного страха.

Лирон первым заметил неладное:

— Что за чертовщина? — прошептал он, отступая.

Но было уже поздно.

Из черноты вырвалась бесформенная теневая фигура, пульсирующая, как живая тьма. Она извивалась, будто что-то рвалось наружу, и вдруг — хруст костей. Рык.

Тень сжалась, перекрутилась — и превратилась что-то похожее на волка. Не просто зверя, а чудовище: шерсть чернее ночи, глаза, пылающие красным огнем, а из оскаленной пасти капала слюна, оставляющая на земле дымящиеся пятна.

В этот момент темный круг под их ногами вспыхнул, словно начертанный невидимой рукой.

Первой закричала пожилая женщина:

— Это ВЫ! — ее голос, прежде тихий, теперь звенел истерикой. — Вы привели нас сюда! Вы ЗНАЛИ!

Элира резко обернулась, но ее слова потонули в нарастающем хаосе.

Люди, еще минуту назад дрожащие от страха, менялись на глазах. Их глаза темнели, губы растягивались в неестественных оскалах

— Они нас предали! — завопила женщина с перевязанной рукой. — Они хотят нас убить!

— Лесные твари! — зарычал мужчина, хватая камень. — Это ИХ магия!

Киара попыталась встать между толпой и Эсме, но люди уже не слушали.

— Вы видели их лица? Глаза? Они не люди! Они — с этими тварями!

Лирон выхватил кинжал, но Эсме схватила его за руку:

— Не надо! Они не виноваты! Этот проклятый круг — он сводит их с ума!

Но было поздно. Человеческая злоба вырвалась наружу.

А волк наблюдал за всем — и казалось, беззвучно смеялся.

Глава 6 Дом, милый дом

«В сердце каждого дома, даже самого простого, скрывается уголок рая, где любовь и уют переплетаются, создавая неповторимое тепло, которое согревает душу на протяжении всей жизни».

В тускло освещенной хижине Элиан сидел за грубым деревянным столом, его маленькие ручки сжимали деревянную ложку. Свет единственной свечи, трепетавший в кованом подсвечнике, отбрасывал причудливые тени на обветшалые стены, тронутые налетом времени. Перед мальчиком стояла скромная трапеза: черствый хлеб с жесткой коркой и жидкий суп, где плавало лишь несколько темных овощей. Каждый глоток приносил лишь временное облегчение, но Элиан не жаловался — в его сердце теплилась надежда.

В тот вечер, когда свет свечи начал слабеть, он услышал, как за дверью завывала старая сосна. Элиан замер, стараясь уловить каждую ноту этого завораживающего звука; его сердце забилося чаще. Возможно, именно сейчас, в потухающих сумерках, шанс изменить жизнь подкрадывался к нему. Мальчик поднял взгляд к окну, и его мечты о приключениях начали расправлять крылья. Напротив сидела его мать, Арья — изможденная женщина с потухшими глазами. На щеках, когда-то полных жизни и тепла, теперь залегли глубокие морщины, отмечавшие каждую трудную зиму и каждую слезу, пролитую в одиночестве. Ее руки, некогда ловкие и сильные, теперь дрожали от усталости, будто сама жизнь постепенно покидала их, оставляя лишь хрупкую слабость, притворявшуюся заботливым прикосновением. На ней была простая льняная юбка, а на плечах — потрепанный плед, служивший многим поколениям. Она пыталась улыбаться, даже когда надежда таяла, но не всегда могла скрыть печаль, осевшую в глазах.

Отец, Бренн, суровый и трудолюбивый, сидел рядом. Его руки, крепкие и мозолистые от многолетней работы, лежали на столе. Глубокие складки на лбу рассказывали о пережитых тревогах, а взгляд был устремлен на огонь в очаге. Огонь потрескивал, словно старый знакомый, балансирующий между теплом и угасанием. В нем отражались не только живые искры, но и тени неоплаченных долгов, потерь и разочарований, что пронизывали их жизнь. Иногда Элиан ловил взгляд отца и видел в нем глубокую усталость, смешанную с твердой решимостью. Он понимал: этот суровый человек бился за семью, как добытчик.

Младшая сестра Элиана, Милия, казалась сотканной из света и радости. Ее звонкий смех напоминал журчание ручья. Она сидела на стуле, чуть возвышаясь над столом, а ее каштановые локоны танцевали в такт болтающимся под столом ногам, перебирающим нескончаемые детские фантазии.

В хижине, затянутой тенями и тяжестью будней, смех Милии оставался единственным лучом света, пробивавшимся сквозь щели в стенах, словно солнце сквозь листву. Каждое ее слово звучало как мелодия, полная надежды.

Элиан ковырялся в тарелке, его мысли блуждали по бескрайним полям, что лежали за пределами их скромного жилища. Он мечтал о приключениях, о незнакомом мире, простирающемся за скудными границами их существования. Мать, словно прочитав его мысли, оторвалась от тяжелых раздумий. Тяжелый вздох вырвался из ее груди. В ее усталых, но мудрых глазах мелькнула тень боли, но там же теплилась и искорка надежды, которую она почти разучилась показывать:

— Я знаю, сынок, наша жизнь очень проста, — произнесла она тихим, но собранным голосом, будто взбирающимся на крутую гору. Элиан почувствовал в ее словах глубинную печаль. Это был голос женщины, которую жизнь испытывала не раз, и каждая трудность оставляла на сердце невидимый шрам.

Она смотрела на Элиана, и, несмотря на печать усталости на лице, в ее взгляде светилась любовь, которую он всегда ощущал как теплое одеяло в холодную ночь.

— Нужно ценить то немногое, что у нас есть, — продолжила она, замирая на мгновение, словно каждое слово требовало от нее невероятных усилий. Ее дрожащая рука потянулась к нему, предлагая ту поддержку и тепло, которых ему так не хватало в эти трудные времена.

При свете пламени Элиан видел, как она собирает мысли, будто ловит их в невидимые сети. Он чувствовал, как ее слова, подобно заклинаниям, наполняли воздух надеждой. Эти тихие, щемящие звуки возвращали ему уверенность, напоминая, что даже в самые темные времена можно отыскать маленькие искры счастья.

Элиан молча кивнул, понимая правду ее слов. Он отложил ложку и взял со стола кусок хлеба, но его разум продолжал блуждать где-то далеко. Ему хотелось исследовать мир, увидеть чудеса, о которых он читал в старых книгах. Он мечтал о жизни, полной приключений, а не о простом выживании в убогой действительности.

Закончив свой скудный ужин, Элиан медленно поднялся из-за стола.

— Смотри, Элиан, у меня сегодня поезд! — радостно сообщила Милия, раскладывая по полу старую нитку с нанизанными пуговицами.

— И куда же он поедет? — Элиан притворился, что не замечает дыр в старом полу.

— В волшебный лес! Там, где растут сладкие яблоки и никогда не бывает холодно. Элиан, а ты поедешь со мной?

— Я буду машинистом. — Он взял в руки обломок деревянной линейки, представив, что это штурвал. — Всем пассажирам занять свои места!

— Но у нас только две куклы и мишка, — заметила Милия, рассаживая игрушки вокруг.

— Значит, больше места останется для мечтаний, — улыбнулся Элиан, передавая ей сломанную чашку. — Вот твой билет, держи крепко.

Милия бережно приняла чашку обеими руками и прошептала:

— Я хочу, чтобы папа и мама тоже купили билеты и поехали с нами.

Элиан натянуто улыбнулся:

— Им мы оставим лучшие места у окна, хорошо?

Мысли Милии мгновенно переключились, и она подпрыгнула, подбежала к столу, оторвала клочок бумаги из тетради, смяла его и продолжила:

— Угадай, кто это? — хихикнула Милия, покачивая в воздухе смятым бумажным шариком.

— Летучий корабль? — предположил Элиан.

— Почти! Это корабль желаний.

— Сомневаюсь, что у меня еще остались желания, — устало протер глаза Элиан.

— Не говори так, — строго ответила Милия. — Ты загадай желание, а я помогу.

Вот так:

Она закрыла глаза, прошептала что-то, сжала бумажку в ладошках и протянула брату.

— Теперь твой сон обязательно сбудется, если ты согласишься!

Элиан помолчал, потом взял бумажный комочек.

— Хорошо, если сбудется... Спасибо, Милия.

— Всегда пожалуйста!

Она широко улыбнулась, озаряя комнату своей уверенностью. Милия продолжила играть, полностью погрузившись в свой мир. Мальчик понял, что стал сестре неинтересен, и подошел к родителям.

— Я пойду погуляю, — сказал он, нарушая затянувшееся молчание.

Родители переглянулись, в их глазах читалось беспокойство
— Будь осторожен, сынок, — предостерег отец.

Элиан пообещал вернуться до темноты и вышел из хижины.

На свободе его охватило странное счастье. С каждым шагом в открытый мир он словно оживал, обретая крылья. Когда свежий весенний воздух ударил в лицо, он почувствовал, как поток энергии наполняет душу. Его глаза расширились от восторга, засияв как звезды, а на губах расцвела улыбка — подобно цветку, пробивающемуся сквозь остатки зимнего снега.

Перед ним простирался бескрайний мир, полный тайн. Зеленые луга, усыпанные яркими цветами, грациозно колыхались под нежным ветерком. Элиан вздохнул полной грудью, наполняясь свежестью и жизнью, и в этот миг почувствовал: все его мечты стали ближе, чем когда-либо. В груди мальчика загорелось пламя надежды — яркое, неугасимое, горящее подобно огню в очаге. Он мечтал о жизни, полной приключений, о лесах, населенных удивительными существами, и о замках, хранящих древнюю магию. В его воображении рождались красочные полотна: сцены, наполненные смехом и светом, где в каждом уголке резвятся веселые создания, а в небе парят благородные птицы, напоминая о безграничности мира.

С каждым новым днем он впитывал дыхание прекрасного, напоминая себе: как бы ни было трудно, красота вокруг всегда дарит новые возможности. Верь, мечтай, твори! — звучал его внутренний голос, одетый в радужные краски надежды. И, сохраняя эти светлые мысли, Элиан шагал навстречу незнакомому, готовый подарить своему сердцу ту свободу, что дарил ему этот мир.

По пути Элиан встречал удивительных существ, населявших этот мир, и каждое из них было подобно отдельной главе из великой книги природы. Пейзажи, мимо которых он проходил, захватывали дух. Сверкающие водопады, низвергавшиеся с горных вершин, напоминали серебряные нити, что с грохотом разбивались о камни.

Элиан с жадным любопытством исследовал каждый уголок нового мира, будто искал утраченное наследие. Он старался запомнить каждую деталь: незнакомые цветы, следы зверей на тропинках, таинственные знаки на камнях. Вдохновение наполняло его душу, словно живой эликсир. Это было время пробуждения, когда спящей мечте обещали новое начало.

В его сердце зародилась решимость — стать не просто странником, а первооткрывателем, героем. Он жаждал проложить новые тропы, оставить свой след в нетронутой пустоши, вписать собственные страницы в книгу этого мира. Ему грезилось, что однажды собранные им заметки станут источником вдохновения для других.

Элиан закрывал глаза и представлял себя рыцарем — защитником замка, воплощением силы и бесстрашия. В своих фантазиях он стоял на вершине крепости, взирая на бескрайние земли, нуждающиеся в защите. Ветер свистел в ушах, развевая волосы и вселяя в каждую клеточку тела героическую уверенность.

Но даже в грезах о величии Элиан отдавал себе отчет: путь к такой жизни не будет легким. Он усыпан трудностями.

Элиан зашел слишком далеко, и теперь, когда сгустились сумерки, лес наполнился таинственной тишиной, погружающей в меланхоличный трепет. Он остановился на мгновение. Небо, некогда яркое, теперь переливалось оттенками пурпура.

Сердце Элиана стучало в такт нежным звукам леса, и в тот миг, когда природа вокруг перестала казаться игровой, он осознал, что слишком увлекся этим волшебным местом. Последние солнечные лучи, скользя по земле, делали лес еще более загадочным. В этот момент мальчик собрал волю в кулак. Элиан знал: пора возвращаться. Он вздохнул, полный решимости и надежды, и, в последний раз окинув взглядом угасающее небо, покинул прекрасный выдуманный мир.

Ноги подкашивались от усталости, будто каждая мышца умоляла об отдыхе, а мозг, запутавшийся в клубке бесконечных мыслей, представлял собой хаотичную симфонию тревоги и

недоумения. Элиан шел медленно, почти наощупь, словно пробирался сквозь густой туман, как вдруг его нога зацепилась за поваленное бревно, неожиданно возникшее из темноты. Он потерял равновесие и с глухим стуком рухнул на землю. Разбив колено, он вскрикнул от внезапной вспышки. Боль пронзила тело, словно острие стальной стрелы. Он прижал ладонь к ране, но это не облегчило страданий. Собравшись с мыслями, Элиан сосредоточился на одной цели — добраться до дома.

Когда он наконец пересек порог родной хижины, сердце его наполнилось странной смесью облегчения и тревоги. Свет изнутри окутал его, словно теплое одеяло, и он увидел мать, стоявшую на кухне. Она подняла голову, и в ее глазах вспыхнул испуг. Мгновение, в котором ослепительная радость смешалась с ужасом. Увидев своего малыша всего в грязи и с кровоподтеками, мать бросилась к нему, жаждающая узнать, что случилось.

— Элиан! — вскрикнула она, ее голос дрожал, а губы сжались от волнения. Сердце бешено трепетало в груди.

— Ничего страшного, — проговорила она, стараясь скрыть настоящую тревогу и наполняя слова твердостью. Мать обняла его крепче, нежно глядя по лбу, будто пытаясь оградить от всех возможных бед. — Колено заживет, — уверенно сказала она.

Вскоре она прижала его ближе, ощущая тепло и жизнь его тела, и все страхи медленно, словно туман, начали рассеиваться. Она промыла раны, наложила повязки и приготовила успокаивающий чай.

Когда наступила глубокая ночь, мягкий свет свечи озарял комнату, а тени танцевали на стенах. С едва уловимой улыбкой мать подошла к кровати своих любимых детей и поправила одеяло. Она всегда ценила эти мгновения, когда мир замирал в тишине и они могли вместе погрузиться в волшебство сказки.

— Милые мои, вокруг нас удивительный мир, — начала она, поглаживая волосы Элиана. — В каждой деревне живут люди, которые занимаются своим делом. Вот, например, недалеко от нас раскинулся густой лес, полный высоких деревьев и шепчущих ветров. Наши соседи, трудолюбивые лесорубы, бережно заготавливают древесину и создают из нее изящные поделки и уютные домики. А там, где доносится мирное блеяние овец, раскинулась деревня Луговская Песня. Овцеводы там ткут теплые шерстяные ткани, превращая пушистую шерсть в красивую одежду. Мы часто обмениваемся с ними тем, что у нас есть, — разве это не замечательно?

Элиан раскрыл глаза шире, завороженный ее рассказом:

— А что насчет Элвингарда? Расскажи, пожалуйста, каким ты его помнишь?

Мать ненадолго задумалась, и взгляд ее унесся вдаль:

— Элвингард... — произнесла она, словно это слово было заклинанием. — Это город с высокими серебряными шпилями, что сверкают на солнце, — прекрасный и величественный. Я помню, как мы с твоим отцом гуляли по его мощеным улочкам среди людей в ярких нарядах, каждый из которых был уникален. Воздух был напоен сладким ароматом свежее испеченного хлеба и цветов с местных рынков. А в центре города высился величественный дворец, где жили благородные и мудрые правители, и из-за его стен доносились мелодии, трогавшие самое сердце.

Голос ее перешел в шепот, полный восхищения:

— Я никогда не забуду те закаты, когда небо пылало огненными красками, а на улицах звучала музыка. Это место, где сбываются мечты, и за каждым поворотом тебя ждет что-то новое.

Слова матери окутали Элиана, словно теплый плед, и он, закрыв глаза, представил тот волшебный мир, который только начинал раскрываться перед ним, — будто началась новая глава его собственной истории. Когда Элиан и Милия уснули, их мать присела рядом и с нежностью смотрела на них.

Но едва малыш Элиан погрузился в сон, мир сладких грез и умиротворения сменился неестественным кошмаром. Лес, еще недавно полный щебетания птиц и шелеста листьев, преобразился в жуткий пейзаж, погруженный в зловещие сумерки. Деревья, некогда высокие и могучие, стояли искореженными, а их изуродованные ветви напоминали скрюченные пальцы.

Из теней выскальзывали чудовищные создания — искаженные, бесформенные, они играли с подсознанием Элиана, разжигая в его душе ужас. Острые, как бритва, зубы поблескивали в тусклом свете, а зловонная слюна капала на землю, оставляя за собой следы гнили. Глаза тварей пылали адским огнем, отражая хаос, что царил в их сердцах, а когтистые лапы, испачканные кровью, оставляли жуткие отпечатки на ковре из опавших листьев. Одно из чудищ, похожее на гигантскую многоножку, зловеще извивалось по земле, и его сегментированные ноги отбивали по почве дробь, от которой содрогалась земля. Другое, массивное, словно большой слон, было покрыто чешуйчатой, змеиной кожей, а его дыхание напоминало ядовитое облако, готовое ослепить и задушить жертву в одно мгновение. Существа крались меж деревьев, будто лес стал их логовом. Их длинные, ненасытные когти хватали все на своем пути, завершая страшную игру. Существа с крыльями летучих мышей пронзительно шипели, находя отраду в криках своих жертв, а их клювы, острые как лезвия, без устали разрывали плоть. В этот миг лес стонал от их присутствия, словно оплакивая свое бывшее величие. Каждый порыв ветра нес с собой предчувствие беды, а некогда уютные уголки природы превратились в адское логово, где царили хаос и безумие.

Тело Элиана беспокойно вздрагивало во сне, и с губ его сорвался тихий стон — отчаянный призыв о помощи. В тот же миг к его кровати подбежала младшая сестренка. Ее большие голубые глаза, полные тревоги, искали ответ: что же так мучает брата в этот ужасный час? Руководясь безграничным милосердием, она нежно взяла Элиана за руки и крепко обняла, словно пытаясь отогнать прочь ночные тени.

— Тш-ш-ш, Элиан, — прошептала она, и голос ее звучал мягко, как шелест ветра в осенней листве. — Все хорошо. Я с тобой.

Ее слова, прозвучавшие сквозь темноту, стали для него единственным светом. Они наполняли сердце надеждой, разгоняя тени, опутавшие его разум. Маленькие ручки Элиана инстинктивно обвились вокруг Милии. Он ощутил исходящее от нее тепло и любовь, и беспокойство стало понемногу отступать. Дыхание его выровнялось, а стоны затихли. Милия провела пальцами по мягким темным волосам брата, тихонько напевая колыбельную, которую им всегда пела перед сном мать. Ее нежный голос наполнил комнату теплом и уютом, окутывая их обоих чувством защищенности. Минуты складывались в часы. Милия не отходила от Элиана, успокаивая его. Постепенно веки детей отяжелели, и они уснули — на этот раз, согретый любовью и заботой сестры, Элиан погрузился в спокойный и безмятежный сон.

Глава 7 Во тьме очень много загадок

Элиан проснулся, когда первые солнечные лучи уже заглядывали в его крохотную комнату. Поднявшись с жесткой соломенной кровати, он потянулся и вышел. Семья уже собралась у очага, готовясь к скромному завтраку — свежее испеченному хлебу и похлебке. Мальчик с радостью подбежал к отцу, который сидел у печи. Отец Бренн деревянной лопаткой выковыривал из остывающей печи три плоские лепешки — тонкие, как листья пергамента.

— Осторожно, пап! — пискнула Милия, раскачиваясь на стуле так сильно, что ее косички хлестали рядом стоящего брата по плечам. — Ты же можешь обжечься! И тебе будет больно!

Бренн обернулся. Его лицо, заросшее колючей щетиной, расплылось в мягкой, виноватой улыбке.

— Не волнуйся, малышка. Я буду аккуратен. Кто первый попробует хлебную лепешку?

Милия тут же соскользнула со стула, подбежала к отцу и требовательно протянула обе ладошки:

— Я! Я уже готова!

Она схватила самый поджаристый край лепешки, обожглась, ойкнула, но не выпустила добычу, а начала дуть на нее, смешно надувая щеки, отчего локоны затанцевали вокруг лица.

Арья сидела у стола, кутаясь в штопанный плед. Она смотрела, как муж отламывает кусок для дочери. Ее пальцы бессознательно теребили край льняной юбки. Эта юбка напоминала ей ту одежду, которую она носила в молодости на свидания то с романтичным сыном плотника, то смешным сыном кузнеца, в то время когда отец искал ей старых богатых мужей.

— Бренн, ты опять положил слишком много муки на дно, — тихо сказала она, когда муж поставил перед ней тарелку. В ее голосе не было злости, только бесконечная, выматывающая усталость. — Муки осталось всего на два дня. Если пойдет дождь, ты не сможешь принести нам еще. А если не принесешь...

— То небо не упадет нам на головы, родная, — мягко перебил ее Бренн, садясь рядом. Он взял ее руку и начал растирать ледяные пальцы. — На прошлой неделе старый Гарет забыл запереть птичник. Две куропатки сами прыгнули мне в мешок. Боги любят дураков и честных тружеников. Мы поедем мяса сегодня вечером.

Арья медленно высвободила руку. Ее глаза, потухшие и обведенные синевой, смотрели мимо мужа, в стену, где пузырилась от сырости глина.

— Куропатки... — эхом повторила она. — Знаешь, о чем я мечтала, когда была девочкой? О том, чтобы просыпаться в комнате, где пахнет воском и свежими простынями, а не мокрой псиной. Чтобы мой муж приносил домой шелка, а не чужих куриц. Иногда, глядя на эти стены, я думаю, что вышла замуж не за того сына. Плотник хотя бы умел делать красивые вещи...

Улыбка медленно стекла с лица Бренна. Он замер, его плечи опустились. Это был даже не укор, а тихий яд, капающий изредка из уст его жены.

— Я тоже работаю, Арья, я стараюсь, ты знаешь — произнес он ровным голосом, в котором впервые за утро исчезла теплота. — Ты знаешь как сложилась моя жизнь, кому-то дано быть богатым, а кому-то нет.

Он отвернулся к очагу, и между ними повисла тяжелая тишина, нарушаемая только чавканьем жующей лепешку Милии.

Элиан отложил свою ложку. Суп показался ему вдруг горьким, как полынь. Он смотрел на сгорбленную спину отца и дрожащие руки матери. Ему было немного, но сейчас он чувствовал себя старше их обоих вместе взятых. Мальчик встал, обошел стол и остановился позади матери. Он неловко, по-мужски неуклюже положил свои маленькие ладони ей на плечи поверх грубого пледа.

— Мама, — сказал он тихо. — Если бы папа принес тебе шелка, они бы сгнили через неделю. Папа же любит тебя, разве шелка могут быть ценнее любви?

Милия перестала жевать и уставилась на брата огромными, круглыми глазами.

— Элиан, ты говоришь умные слова! — прошептала она.

Арья вздрогнула под руками сына. Она медленно повернула голову. Она всмотрелась в лицо Элиана, словно видела его впервые.

— Откуда... — ее голос сорвался на шепот. — Откуда в тебе это, сынок? Ты совсем ребенок. Ты целыми днями либо плетешь ивовые прутья, либо носишься по лесам. Мы ничему тебя не учили кроме рукоделия да молитвы перед едой, ты ничего не видел. Но ты смотришь на нас так, будто ты мудрец. Как ты можешь понимать то, чего сам еще не прожил?

— Я просто слушаю, мам, — серьезно ответил Элиан, не убирая рук. — И вижу, как тяжело ты поднимаешься по утрам. Я хочу вырасти и построить лучший мир. Я должен оставить после себя что-то важное. Что-то прочнее стен. Может быть, лекарство от этой вечной усталости в глазах как у тебя, мам?

Тишина изменилась. Из давящей она стала звенящей, хрупкой. Бренн медленно развернулся на стуле. Его суровое лицо дрогнуло, губы задрожали. Он вскочил, шагнул к жене, уткнулся лицом в ее плечи.

— Прости меня, Ари, — глухо прорычал он в ткань. — Прости за все. За эту лачугу, за краденую птицу, за то, что я не тот принц из твоих снов. Я люблю тебя. Люблю такую — замерзшую, ворчащую, настоящую.

Милия, осознав, что взрослые перестали обращать на нее внимание. Она бросила недоеденную лепешку, подбежала к родителям и принялась дергать отца за рукав:

— Папа! Папочка! Вытри нос! Давайте играть! Давайте играть в поезд, чтоб се начали смеяться!

Она попыталась просунуть свою маленькую голову между отцом и матерью, толкаясь миленькими ручками. Элиан присел на корточки рядом с сестрой, обнял ее за плечи и прижал к себе.

Милия мгновенно переключила внимание, шмыгнув носом. Она схватила бумажный корабль, который прятала в кармане.

— Ветер! — звонко крикнула она. — Полный вперед! Машинист Элиан, держи штурвал! Мама, папа, быстро покупайте билеты! Следующая остановка — Волшебный лес, там подушки сделаны из зефира!

Окончив разговор с семьей, с чувством светлого удовлетворения Элиан вышел из дома.

Проходя по деревне, он видел, как соседи спешат по своим делам. Солнце ласково грело кожу, а легкий бриз шелестел листвой. Элиан направился к полям за околлицей — в свое любимое место для уединенных игр.

Бега по просторам, он чувствовал себя абсолютно свободным. То он представлял себя отважным воином, сражающимся с драконами и спасающим принцесс, то ловким охотником, выслеживающим дичь в чаще леса.

Часы пролетали незаметно, и Элиан полностью погружался в вымышленный мир. Он бежал, прыгал и лазал по деревьям, наслаждаясь обществом собственной фантазии. Лишь когда солнце начало клониться к закату, он вспомнил, что пора возвращаться. Вернувшись домой, Элиан столкнулся со зловещей тишиной, будто все вокруг затаило дыхание. Деревенская улица, обычно полная радостных голосов и смеха, теперь была пустынной и безмолвной. Идя по знакомой тропинке, мальчик чувствовал, как холодная тревога сжимает его сердце. Обычно его встречали радостные возгласы родителей, их тепло разливалось в воздухе, как сладкий аромат цветущей лаванды, а смех младшей сестры звенел, наполняя каждый уголок дома светом. Теперь же повсюду царила пугающая тишина, не оставлявшая места для уютных воспоминаний. Элиан замер на пороге, его ладонь застыла на дверной ручке в немом ожидании.

Он прислушался, но в ответ услышал лишь гул собственного сердца, заглушавший все вокруг. Ветер, пробираясь сквозь деревья, нес с собой суровые предзнаменования, не оставляя и тени надежды. Наконец, собравшись с духом, он открыл дверь. Скрип, подобный шипению ядовитой змеи, пронзил тишину, а в горле у него сжался ком страха. Его взору открылась леденящая душу картина. На полу, в луже засохшей крови, лежали безжизненные тела его родителей. Их лица были искажены ужасом, а глаза остекленели.

Элиан не мог поверить своим глазам. В разгар невыносимой боли время словно остановилось, а мир вокруг рассыпался в прах. На полу, в полумраке родного дома, лежал его отец. Руки, так часто обнимавшие сына, теперь были беспомощно раскинуты. Пронзенная грудь свидетельствовала о жестокости, незнакомой доселе мальчику. Сердце, полное невинных надежд, теперь разрывалось от горя и шока. Взгляд его не мог оторваться от этого кошмара, а слезы отказывались литься — будто сама душа отняла у него эту простую человеческую реакцию. Волны ужаса пробежали по его телу, когда он перевел взгляд на другую фигуру. Мать, нежная и заботливая, была задушена собственным передником. Ее лицо, некогда сиявшее любовью, теперь застыло в маске страдания. Казалось, сама любовь покинула это место, оставив лишь мрак и отчаяние.

Элиан отшатнулся, тяжело дыша, отчаянно пытаясь найти хоть кого-то живого — хоть искру надежды в этом аду. Его взгляд метнулся по знакомым стенам, что окружали его с детства. Каждая трещинка на полу, каждая зазубрина казались злой насмешкой на фоне случившегося. Внезапно его взгляд упал на приоткрытую дверь в конце коридора. Там, во мраке, словно за гранью искаженного времени, могло таиться что-то живое — надежда, которую он так жадно искал. Сердце забилось чаще, когда он дрожащей рукой распахнул дверь, готовясь к последнему, что могло стать искуплением его ужаса. С трепетом в груди Элиан переступил порог и увидел новое кошунство. Милия, его малышка, драгоценная сестренка, лежала в кровати с рассеченным горлом. Ее невинное личико исказила гримаса боли. В тот миг тьма окончательно поглотила его сердце. Мир, который он знал, рухнул, оставив лишь пустоту и отчаяние. В один миг его жизнь переломилась, и от нее осталась лишь всепоглощающая боль. В хижине повисла гнетущая тишина, которую разрывали лишь громкие рыдания Элиана. Душевная мука, рвавшая его изнутри, казалась невыносимой. Близкие, которых он так нежно любил, стали лишь воспоминанием, оставив после себя бездонную пустоту. Но когда его крики достигли пика, что-то изменилось. Элиан почувствовал, как по спине пробежал ледяной холод, и обернулся. В полумраке хижины возникла тень — длинная и зловещая. Она скользнула по стене и поползла к мальчику, сидевшему на полу. Элиан замер, когда она поднялась над ним, угрожающе заслоняя скудный свет. Воздух наполнился тяжелым запахом тления и разложения. Элиан содрогнулся от отвращения и страха. Он попытался вскочить, но ноги подкосились. Беспомощно рухнув на пол, он почувствовал, как что-то сжало его лодыжку. Паника накрыла с новой силой, когда он попытался вырваться, но хватка лишь усилилась.

С новым приливом ужаса он увидел, как тень зашевелилась, превращаясь в нечто, отдаленно напоминающее человека. Существо было высоким и худым, с гниющей кожей и пустыми глазницами. Его рот растянулся в зловещей усмешке, обнажая почерневшие зубы. Из темных впадин глаз исходило мерцающее свечение, которое пробирало до костей и леденило кровь. Оно бесшумно двинулось вперед, и в воздухе расплылся тяжелый запах тления. Каждое его движение вызывало волну парализующего страха.

Элиан попытался закричать, но не смог. Тень наклонилась к нему, и смрадное дыхание коснулось его лица.

Мальчик в ужасе зажмурился, но сдержать крик было невозможно. Ледяные руки обвили его, и он почувствовал на своей шее прикосновение чего-то холодного.

— Нет! — прохрипел он, все его тело сотрясилось от ужаса. — Отстань!

Но тень было не остановить. Ее прикосновение вызвало такую боль, что у Элиана потемнело в глазах. Адреналин хлынул в кровь. Он забился, собрав всю свою волю, чтобы противостоять невыразимому ужасу. В его глазах вспыхнула отчаянная искра, когда он осознал, что шансы на спасение тают с каждой секундой. Собрав последние силы, Элиан напряг каждый мускул. Он дергался, выл, пытался вырваться, но ледяные объятия держали его с неодолимой силой. И в тот миг, когда надежда уже готова была угаснуть, случилось неожиданное. Тень замерла, и ее хватка на мгновение ослабла. Элиан воспользовался этой секундной передышкой и сумел вывернуться из ее цепких лап. Он отполз назад, дрожа всем телом. Тень оставалась на месте — безмолвная и недвижимая. Страх в глазах Элиана сменился дикой решимостью. Он рванулся к двери, распахнул ее и вылетел в ночь. Сердце колотилось так, что вот-вот выпрыгнет из груди. Тень последовала за ним. Ее шаги отдавались глухим скрипом, будто ломались старые половицы. Элиан бежал изо всех сил, но существо набирало скорость, и его дыхание становилось все громче. Он мчался вперед, подгоняемый страхом, не смея оглянуться. Позади раздался оглушительный грохот, эхом прокатившийся по деревне. С треском падали деревья, рушились дома, а воздух разрывали крики ужаса. С каждым шагом кошмар наступал на него. Огромная тень накрыла деревню, поглотив последние лунные лучи. Она была воплощением тьмы — зловещей и неотвратимой. Не в силах больше терпеть неизвестность, Элиан заставил себя обернуться. Леденящий ужас сковал его душу. Тень превратилась в гигантское бесформенное чудовище. Его глаза пылали адским огнем, а пасть изрыгала нечто ужасное. Отвратительные щупальца, извиваясь, тянулись к деревне, вырывали людей из домов и разрывали на части. Элиан вскрикнул и, отвернувшись, побежал, куда глаза глядят. Он не знал, куда бежать и где искать спасения. Деревня осталась позади, поглощенная тьмой, и вместе с ней, казалось, исчезла последняя надежда. Он споткнулся и упал, острая боль пронзила колено. С трудом поднявшись, Элиан заковылял дальше, отчаянно пытаясь уйти от этого кошмара. Он понимал: если не убежит сейчас, его ждет та же участь, что и остальных жителей.

Он бежал, не останавливаясь, не в силах понять, сколько прошло времени. Когда силы окончательно оставили его, он остановился, чтобы перевести дух. Деревни уже не было видно. Кругом царила кромешная тьма, и лишь бледная луна освещала путь. Элиан нырнул в густой лес, сердце его бешено колотилось. Ему чудилось, что за ним все еще гонятся — в голове не умолкали звуки погони. Тени плясали вокруг, словно живые существа, тянувшие к нему свои когтистые лапы. Наконец, наткнувшись на поваленное дерево, он юркнул под массивный ствол в поисках укрытия. Внутри было темно, тесно, и воздух пропитался резким запахом гнили. Элиан сжался в неудобном клубке, пытаясь устроиться среди переплетения веток. Колючки впивались в кожу, причиняя невыносимую боль. Все тело ныло, но он боялся пошевелиться, чтобы не выдать себя. Шум снаружи нарастал, голоса становились все ближе и громче. Дыхание сбивалось, становясь прерывистым и поверхностным, пока он пытался умиротворить панику. Но чем отчаяннее он боролся, тем сильнее становился страх. Парализующий ужас охватывал его, будто сама смерть уже стояла за спиной.

Время тянулось невыносимо медленно, каждый миг казался вечностью. Элиан закрыл глаза, пытаясь отгородиться от кошмара, но тщетно. Ему чудилось, что звуки погони приближаются, сводя с ума своим настойчивым рокотом. Охваченный леденящим холодом, он отчаянно пытался заснуть под какофонией жутких лесных звуков. Какое-то животное издало низкий, нечеловеческий вой, от которого сердце сжалось в ледяных тисках. Затем хрустнула ветка — будто что-то крупное кралось совсем рядом. А ветер выл с такой силой, словно пытался сорвать с него последнее укрытие. Сон не шел, и вскоре разум Элиана затопили видения. Сначала это были яркие воспоминания о счастливых днях с семьей: их смех, улыбки, теплые объятия. Но светлые образы быстро сменились кошмаром. Во сне он снова оказался в своем доме. На его глазах незнакомый силуэт хладнокровно убивал родных. Мать, заколотая ножом, кричала от боли, и ее вопль эхом разносился по комнатам. Маленькую сестренку

душили, и ее хрупкое тело безжизненно рухнуло на пол. Элиан с ужасом и отчаянием смотрел, как один за другим погибают самые близкие. Он пытался вмешаться, но тело сковал паралич — не мог ни крикнуть, ни пошевелиться. Последней жертвой стал он сам. Тень приблизилась, и он почувствовал на шее холодное прикосновение лезвия. Когда клинок вонзился в плоть, Элиан проснулся с криком. Он резко сел, дрожа всем телом. Его крик прокатился эхом по лесу, разрывая зловещую тишину. Деревья казались выше, тени — гуще, будто сговорившись против его паники. Элиан вытер со лба холодный пот. Это был всего лишь сон, но настолько реальный и яркий, что оставил после себя гнетущую тревогу и опустошение. В ту ночь сон больше не возвращался. Элиан разжал сведенные судорогой пальцы. На ладонях остались глубокие красные отпечатки от веток и холодный, липкий пот. Он все еще чувствовал во рту металлический привкус собственного крика.

«Они мертвы», — произнес он беззвучно, одними губами. Слова застревали в горле колючим комом. Сейчас он впервые осознал всю глубину своего сиротства. Мысли о семье обрушились на него тяжелой волной, вымывая остатки паники и оставляя только звенящую, невыносимую тоску.

Он закрыл глаза, пытаясь удержать образ матери, пока тот не рассыпался прахом. Как сильно он будет скучать по ее заботам, по теплу ее ладоней, когда она гладила его по волосам перед сном. Ее ласки были тихими, почти незаметными: поправленный воротник, вычесанная соломинка из волос, взгляд, полный всепрощающей любви, даже когда он приносил домой порванную одежду. Она пыталась улыбаться сквозь вечную усталость, и сейчас Элиан понял страшную вещь: он никогда не видел настоящей улыбки матери. Только ту, которую она выдавливала ради них. Теперь никто не согреет ему воду для умывания замерзшими пальцами. Отец. Его советы никогда не были сложными философскими трактатами. Они были грубыми, как кора этого дуба. «Если топор завяз в полене, сынок, не тяни его вверх — сломаешь топорнице. Нажми плечом, используй вес тела». Он скучал по запаху отца — смеси древесной смолы, кислого пота и дешевого табака. По тому, как отец смотрел на огонь, ища там ответы на вопросы. Отец бился за них, как добытчик, совершая маленькое воровство ради их выживания, и носил этот грех на плечах тяжелее любого бревна. Элиан понимал это поведение взрослого мужчины лучше, чем кто-либо другой в долине. И Милия. Мысль о сестре отозвалась такой острой вспышкой боли, что Элиан до крови прикусил губу. Звонкий смех, похожий на журчание ручья. Ее абсолютная, непоколебимая вера в то, что сломанная чашка — это билет на поезд в волшебный лес. Она верила, что бумажный шарик может исполнить желание. «Ты загадай, а я помогу». Ей было семь. У нее впереди должна была быть целая жизнь, полная солнечного света, а не сырости этой хижины. Элиан отдал бы правую руку, чтобы снова услышать, как она болтает ногами под столом, сбивая ритм его мыслей. Без нее мир стал оглушительно тихим. Но скорбь постепенно начала уступать место холодному, режущему анализу. Элиан всегда знал, что он отличается от других мальчишек. В свои тринадцать он мыслил как сорокалетний старик, прочитавший слишком много пыльных фолиантов. Он видел истинные мотивы людей: видел трусость сборщика налогов за его строгим лицом, видел отчаяние отца за его суровостью, видел ложь торговцев. Он понимал устройство мира — жестокое, несправедливое, основанное на силе. И именно поэтому он всегда думал, что рожден для большего. Что он должен оставить после себя кусок чего-то важного. Лекарство от страха. Способ починить эту сломанную систему. Однако понимание мира никак не помогало справляться с самим собой. Внутри него жил другой человек — испуганный ребенок, который орал громче Милии при виде паука. Тот, кто не мог сдерживать эмоции. Гнев вспыхивал в нем сухим сеном, заставляя терять разум, а страх превращал ноги в корни, бегущие прочь от любой опасности. Элиан стиснул зубы так, что заболели челюсти. Память услужливо подбросила сцену, от которой стало стыдно даже здесь, в одиночестве. Случай месячной давности. Когда соседские мальчишки поймали его у реки. Они не хотели убивать — они хотели развлечься. Вылили на него ведро тины, вырвали из рук книгу

со сказками и начали рвать страницы, гогоча над тем, как он дергается. Внутри тогда поднялась такая слепящая ярость, что кулаки сами сжались до побеления костяшек. Разум кричал: «Бей! Не позволяй им трогать истории!» Но тело предало. Парализующий ужас сковал мышцы. И вместо того, чтобы защитить хотя бы бумагу, Элиан сделал то, что умел лучше всего. Он убежал. Споткнулся, упал в грязь, вскочил и понесся прочь, оставив клочки своих любимых историй трепаться на ветру. Он бежал, пока легкие не начало жечь огнем, ненавидя себя за каждый шаг, сделанный в сторону дома, а не в сторону обидчиков. Это и была его главная болезнь — привычка уходить от проблем. Спасать свою шкуру, надеясь, что время само решит беду.

— Ты герой, Элиан? — прошептал он своему отражению в луже. Из воды на него смотрело чумазое лицо с воспаленными глазами. — Ты просто крыса, спасающаяся из пожара. Ты мечтаешь спасти мир, но не можешь спасти даже собственное достоинство. Ты понимаешь, почему люди плачут, но сам льешь слезы только от жалости к себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.